

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

**ВОЕННАЯ
ТАЙНА**

ИГОРЬ ПРОКОПЕНКО

Военная тайна с Игорем Прокопенко

Игорь Прокопенко

**По обе стороны фронта.
Неизвестные факты Великой
Отечественной войны**

«ЭКСМО»

2015

Прокопенко И. С.

По обе стороны фронта. Неизвестные факты Великой Отечественной войны / И. С. Прокопенко — «Эксмо», 2015 — (Военная тайна с Игорем Прокопенко)

70 лет назад солдаты Красной армии водрузили советский флаг над рейхстагом. Великая Отечественная война, унесшая миллионы жизней и сломавшая миллионы судеб, закончилась безоговорочной победой СССР над нацистской Германией... Книга, которую вы держите в руках, – образец настоящей русской документалистики. Автор побывал в Германии и в бывших советских республиках, встречался с участниками и очевидцами страшных событий 1941–1945 годов, чтобы показать обе стороны этой чудовищной войны. Это рассказ о героях и о предателях, о рядовых солдатах и об офицерах, о боли и взаимопомощи. Во что верил враг? Как работала немецкая пропагандистская машина и как сложно было с ней бороться? Какую цену мы до сих пор платим за великую победу? Ведь прошло больше полувека, а последствия некоторых сталинских решений по сей день влияют на наши отношения с ближайшими соседями – Украиной, Грузией, странами Прибалтики. Автор книги попытался разобраться, можно ли было избежать каких-то роковых ошибок, и в этом ему помогают участники военных действий, историки и бывшие сотрудники спецслужб.

© Прокопенко И. С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Безымянные бойцы	9
Начало	15
Отступление	18
Великое московское противостояние	21
Глава 2	26
Глава 3	33
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Станиславович Прокопенко

По обе стороны фронта. Известные факты Великой Отечественной войны

Предисловие

Киев, Львов, Одесса, Рига... Города воинской славы. В каждом из них – по полвека точно – стоят десятки памятников жертвам фашизма. Еще не так давно к этим памятникам приходили, чтобы оплакать замученных нацистами. Сегодня делать это немодно, неpolitкорректно, да и небезопасно. Знамена со свастикой, факельные шествия, руки, вскинутые в фашистском приветствии. Это не сон. Это наша бывшая Родина...

В двадцатом веке в Европе нацизмом переболели не только немцы. Но только у нас – на Украине, в Прибалтике – тот, кто присягал Гитлеру, сегодня предмет национальной гордости. В блеске эсэсовских регалий они шествуют по Риге, Киеву, Львову. Не оборачиваясь, проходят мимо памятников жертвам нацизма и торжественно склоняют знамена со свастикой к памятнику Свободе. Это называется – возрождение нацизма. Но не слишком ли людоедский способ для государственной самоидентификации бывших советских республик при боязливом молчании большинства?

Говорят, если прошлое забывают – оно возвращается вновь. И ведь вернулось. Кровавым жертвоприношением в Одессе. Бомбардировками Донбасса. Тысячами замученных, расстрелянных, сброшенных в шахты. И это происходит сегодня.

Недавно в Японии провели опрос, и выяснилось невероятное, оказалось, что более половины японской молодежи сегодня считает – атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросил Советский Союз. Вы представляете, какой несокрушимой силы должна быть пропаганда, чтобы выбить имя истинного преступника из голов тех, чьи родители сгорели в радиоактивном пекле? Но это далекая Япония. А что у нас?

Долгие годы такие понятия, как «Великая Отечественная война», «Великий подвиг», «Великая победа» были для нас понятием абстрактным. Дежурная дань далекому прошлому. Раз в год кино «про ту войну» и праздничный салют. Но грянул Майдан. И неожиданно выяснилось, что нет ничего более актуального, чем «та война». Потому что наследники героев Великой победы – лишь только пролилась первая кровь – в мгновение поделились на «колорадов» и «бандеровцев». На русских и немцев. На правых и виноватых. Какая жуткая гримаса истории.

Японцам проще. От того, что они однажды узнают – атомные бомбы на них сбросили американцы, а не русские, – их скорбь по погибшим не станет меньше. А мы? Русские, украинцы, прибалты? Что поможет нам, чтобы всем стало легче? Знание истории. Факты.

Есть такой журналистский прием. Когда нужно привлечь читателя или зрителя неожиданной информацией, употребляется фраза: «Мало кто знает...» В нашем случае этот расхожий прием – единственный способ заставить нас увидеть окружающий мир, не подслащенный Голливудом и легендами про «великих укров». Так вот! Мало кто знает на Украине, в России, в Америке, кстати, тоже, что тем «добрым дядей», который вскормил Гитлера в прямом смысле этого слова, был создатель американского автомобильного чуда – Генри Форд. Это его цитирует Гитлер в «Майн кампф». Это он, американский миллиардер, пичкал немецкий нацизм деньгами. Это его заводы вплоть до открытия второго фронта каждый день выпускали с конвейера новенькие «Форды» для нужд вермахта.

То, что Степан Бандера пытался построить независимую Украину, – это правда! Но только не вся. Из тех, кто сегодня на Украине лепит из него национального героя, мало кто

знает, какую Украину он строил. А ответ есть. Украину «без москалей, поляков и жидов». Чувствуете холодок Освенцима во впадинке этого отеческого призыва? А вот еще одна цитата: «Если для создания Украины нужно уничтожить пять миллионов украинцев – эту цену мы готовы заплатить». То есть Украина по-бандеровски – это не что иное, как типично нацистское государство, созданное по лекалам Третьего рейха.

Сегодня долгожители вермахта где-нибудь под Кельном, наверное, каждый день поднимают по рюмочке шнапса за победу. Кто бы мог подумать, что не пройдет и полувека, как над Бабым Яром в Киеве, где нацистами были замучены тысячи украинцев, будет лететь пароль нациста Бандеры: «Слава Украины». И многоголосый отзыв его поделщиков, полвека тому назад заливших Украину кровью украинцев, евреев, поляков: «Героям слава».

Книга, которую вы держите в руках, – многолетний труд большого количества журналистов программы «Военная тайна». Здесь только факты. Известные и забытые, недавно раскритиченные и никогда не публиковавшиеся. Факты, которые позволят по-новому увидеть историю самой кровопролитной войны, которая унесла 50 миллионов жизней граждан нашей страны, и, может быть, понять, почему именно победа в этой войне разделила одну нацию по национальному признаку.

Глава 1

Первый удар

Небольшой приграничный город Белосток. Апрель 1941-го. Прошло уже почти два года с того самого дня, как немцы оккупировали Польшу, и потому тревога не покидает улочки городка. Люди запасаются мукой, солью, керосином. И готовятся к военному времени. Народ ничего не понимает в больших политических играх Советского Союза и Германии, но по вечерам все слушают новости из Москвы.

Подписание пакта Молотовым и Риббентропом

Вячеслав Молотов произносит с трибуны пламенные речи о победе советской дипломатии, однако он понимает, что война скоро начнется. Подписанный им и Риббентропом пакт силы уже не имеет. Нарком иностранных дел проводит несколько тайных встреч с руководством нацистской Германии и подписывает ряд документов по советско-германским отношениям. На одной из встреч он напоминает Гитлеру о протоколе, который был подписан 23 августа 1939 года.

Сергей Кондрашов, генерал-лейтенант, в 1968–1973 годах заместитель начальника Первого главного управления КГБ СССР, вспоминает: *«Накануне вечером была беседа у Молотова со Сталиным, и они, во имя задержки этапа войны, решили пойти на этот протокол, который фактически разделял сферы влияния между Германией и Советским Союзом. Протокол готовился в течение одной ночи, ночи с 22-го на 23-е число. Протокола переговоров не велось. Единственное – Вячеслав Михайлович имел записную книжку, в которую заносил ход переговоров. Эта записная книжка сохранилась, из нее ясно, как была достигнута договоренность. Фактически протокол был сначала парафирован, а потом ратифицирован.*

Так что в подлинности этого протокола никаких сомнений быть не может. Протокол действительно был. Насколько он соответствовал политической установке задержать войну – это трудно сказать. Но фактически протокол привел к разделу Польши. Это в какой-то степени задержало войну с Советским Союзом. Конечно, политически он был нам крайне невыгоден. Но вместе с тем это была одна из последних попыток Сталина задержать наступление войны».

Безымянные бойцы

1 сентября 1939 года, ровно через неделю после подписания протокола, войска Гитлера вторгаются в Польшу. Сталин отдает приказ главному командующему Красной армии перейти границу и взять под защиту Западную Украину и Западную Белоруссию. Однако Гитлер нарушает секретный протокол и в апреле 1941-го предъявляет Советскому Союзу претензии территориального, политического и экономического характера. Сталин отвечает ему отказом и начинает всеобщую военную мобилизацию. Главное разведуправление Наркомата обороны Советского Союза получает задание правительства забросить в Германию несколько наших нелегалов.

В Белостоке, в разведотделе штаба Западного военного округа, наши разведчики проходят индивидуальную подготовку. Отработаны легенды. Совсем скоро они должны уйти в Германию. Их задача – тайные военные стратегии нацистской Германии, и самое главное – план «Барбаросса», план развертывания военных действий против Советского Союза.

Одним из них был Михаил Владимирович Фёдоров. Он же – лейтенант Вронский. Он же – господин Стефенсон. Он же – сотрудник Службы внешней разведки «СЕР». Год рождения 1916-й. С 1939 года – сотрудник Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР. С 1941 по 1944 год выполнял секретное задание на территории Польши и Белоруссии. В 1945 году по заданию ГРУ выехал как официальный дипломатический представитель одной из стран Восточной Европы в Англию, более 20 лет работал в Западной Европе в качестве разведчика-нелегала, выполняя задания особой государственной важности. Полковник КГБ СССР.

В ночь на 22 июня, за день до заброски наших разведчиков в Германию, началась война. Немецкие войска, нарушив все договоренности, вторглись на территорию Советского Союза.

Михаил Владимирович Фёдоров так описывает первые часы войны: *«День начала войны я помню хорошо. Четыре часа утра. Час разницы между Москвой и польским городом Белосток. Грохот, взрывы, самолеты летают. Я выскочил на улицу. Смотрю – немецкие самолеты бомбят вокзал. Это правильно – с их точки зрения. Вокзал – чтобы ни одного поезда не ушло из Белостока. Хозяин квартиры тоже встал, все кругом зашевелились, все выскакивают на улицу. Война. Уже кричат: «Война». Особенно перепугались евреи. Евреев в Белостоке было много, там были еврейские ткацкие фабрики. И люди боялись, они уже знали, что Гитлер уничтожает евреев. Хозяйка моя сразу в слезы и на улице потеряла сознание. Мы с ее мужем принесли ей стул. Подняли ее на стул, посадили. Она сидит, голова падает».*

Нет ничего страшнее тех первых часов. Люди сходили с ума от ужаса. До последнего у них была надежда, что этой войны не будет. Вронский получает задание установить связь со штабом.

«Семь утра. Прибежал ко мне мой старший наставник Карлов Георгий Ильич. Дал мне пистолет «КТ» и говорит, как бы в шутку: «Это для себя. Значит, так. Если в опасности будешь, в безвыходном положении, то застрелись», – вспоминает Михаил Владимирович.

10-я армия и ряд других частей Западного военного округа были дислоцированы в Белостокском выступе, выгнутом в сторону противника. Такое расположение войск было невыгодным, и, если бы эта грубейшая ошибка была исправлена, возможно, с самого первого дня ход войны можно было изменить. Именно по этому выступу и был нанесен первый и главный удар немцев. Их силы превосходили наши в пять-шесть раз. Более того, советским высшим военным командованием был допущен серьезный просчет в плане обороны границ. Западные границы оказались самыми незащищенными. Уже 26 июня, спустя всего лишь четыре дня после начала войны, немцы бомбили Минск. Город был объят пламенем. Погибли сотни людей. Страна с напряжением слушает сводки с фронта. И вот становится известно, что арестован командую-

ший Западным фронтом генерал Павлов. Через несколько дней его расстреливают за измену и предательство. Однако в последнем слове Павлов заявляет, что он не получал приказа о подготовке к войне в мирное время.

По словам **Михаила Фёдорова**, *«самыми трудными были первые дни. Некоторые люди винтовки бросали. Безалаберность такая, нет команды... Все вспоминаю историю этого Павлова. Он был командующим Западным округом. Его расстреляли за то, что он смел оказать должное сопротивление! Ему было очень трудно это организовать. Я бы его оправдал в том отношении, что немцы заранее своей агентурой повредили связь, и связь между военными частями была плохая».*

Только в первые три недели войны советские войска потеряли 3500 самолетов, 6000 танков, 20 000 орудий и минометов. 28 дивизий было разгромлено, свыше 70 лишились половины людей и боевой техники. Красная армия потерпела поражение и отошла в глубь страны. В Кремле паника.

29 июня Берия предупреждает Сталина о возможности заговора в армейском руководстве. 30 июня Сталин создает Государственный Комитет Обороны и лично следит за всеми военными действиями. С первого дня войны Верховный главнокомандующий практически не покидает здание Кремля. Это видно из секретных документов – журналов охраны Кремля.

В это же время нашей контрразведке становится известно, что на всей территории Советского Союза действуют немецкие агенты, которые убеждают население страны в том, что война с Германией уже проиграна. Сталин решает поднять боевой дух своего народа. С этого момента с фронта передают только новости о победах, а не о поражениях Красной армии.

Впрочем, победы действительно были. В марте 1941-го, за три месяца до начала войны, наша разведка доложила Сталину, что согласно тайному плану Гитлера основной удар немцы нанесут по южному направлению, где сосредоточены наиболее важные промышленные районы. На Украине была создана мощная группировка из 60 дивизий. Именно на юге в первые дни войны немцы понесли наибольшие потери. Однако эти потери были хорошо просчитаны Гитлером. Утечка информации была допущена им сознательно – с тем, чтобы Советский Союз не успел закрепить свои западные границы. Это и был один из тайных моментов плана «Барбаросса». Даже своим генералам гитлеровское командование все карты не открывало.

На французском побережье в начале 1941 года шла полномасштабная подготовка к операции по вторжению «Морской лев». Но все это было только маскировкой готовящейся восточной кампании. И об этом Гитлер сообщил своим офицерам за несколько часов до вторжения в Советский Союз.

Сергей Кондрашов вспоминает: *«Мы знали о подготовке плана «Барбаросса». А план «Барбаросса» предусматривал как раз подготовку наступления на юге, потому что в последний момент Гитлер изменил тактику. Но если вы возьмете план «Барбаросса», который был утвержден Гитлером в декабре 1940 года, то там все расписано: что должна делать авиация, что должна делать артиллерия, где подготовка, какими силами. Понимаете, план «Барбаросса» – это фантастический документ. Он, кстати, у нас опубликован. Это план, где все расписано по родам войск.*

Мы знали о подготовке этих планов. Больше того, не только мы знали, но и английская разведка работала в Германии очень эффективно. И американская разведка работала в Германии активно. И мы через свою агентуру в Великобритании знали о том, как идет подготовка. То есть, когда на юге немцы готовили наступление, это тоже нам было известно. Это была точная информация о том, что немцы переориентировались на южный фронт. И там, кстати говоря, довольно быстро смогли принять меры к тому, чтобы противостоять наступлению, которое было на юге, хотя у немцев были превосходящие силы. Но тем не менее, если бы не приняты были те меры, которые были приняты, война могла бы быстрее закончиться. Не в нашу пользу».

Итак, наши отступали на восток. На нескольких грузовиках уходило в тыл белостокское разведотделение. Колонна грузовиков двигалась только глубокой ночью. Днем из-за постоянных обстрелов передвигаться было опасно. Разведчики рассчитывали, что соединятся со штабом 10-й армии. Связи не было никакой. Ориентиром была только карта, но большинство деревень уже было уничтожено немцами. Надежда выйти на своих была слабой.

Михаил Фёдоров рассказал об этом так: *«Какое-то время проехали мы, и вдруг из-за оврага выбегает человек и машет флагом. Мы остановились. Ура! Наши... Красная армия. Люди махали, бросали свои шапки. Они подъехали, развернулись, по команде люки закрылись, и пулеметный огонь по нам. Я был во второй машине. Надо было бежать. Все бросились бежать обратно, по полю, давно не паханному, а там была рожь. И вот я бежал. К счастью для меня лично и для всех, пули были трассирующие. Раннее утро, солнце, но все равно их видно было. И я бежал и видел, как пуля идет. Я ложился на землю и полз, не оглядываясь. Как спортсмен, я понимал, что каждая секунда дорога. И ползком, ползком... Прошла пуля над головой – поднимался и снова бежал».*

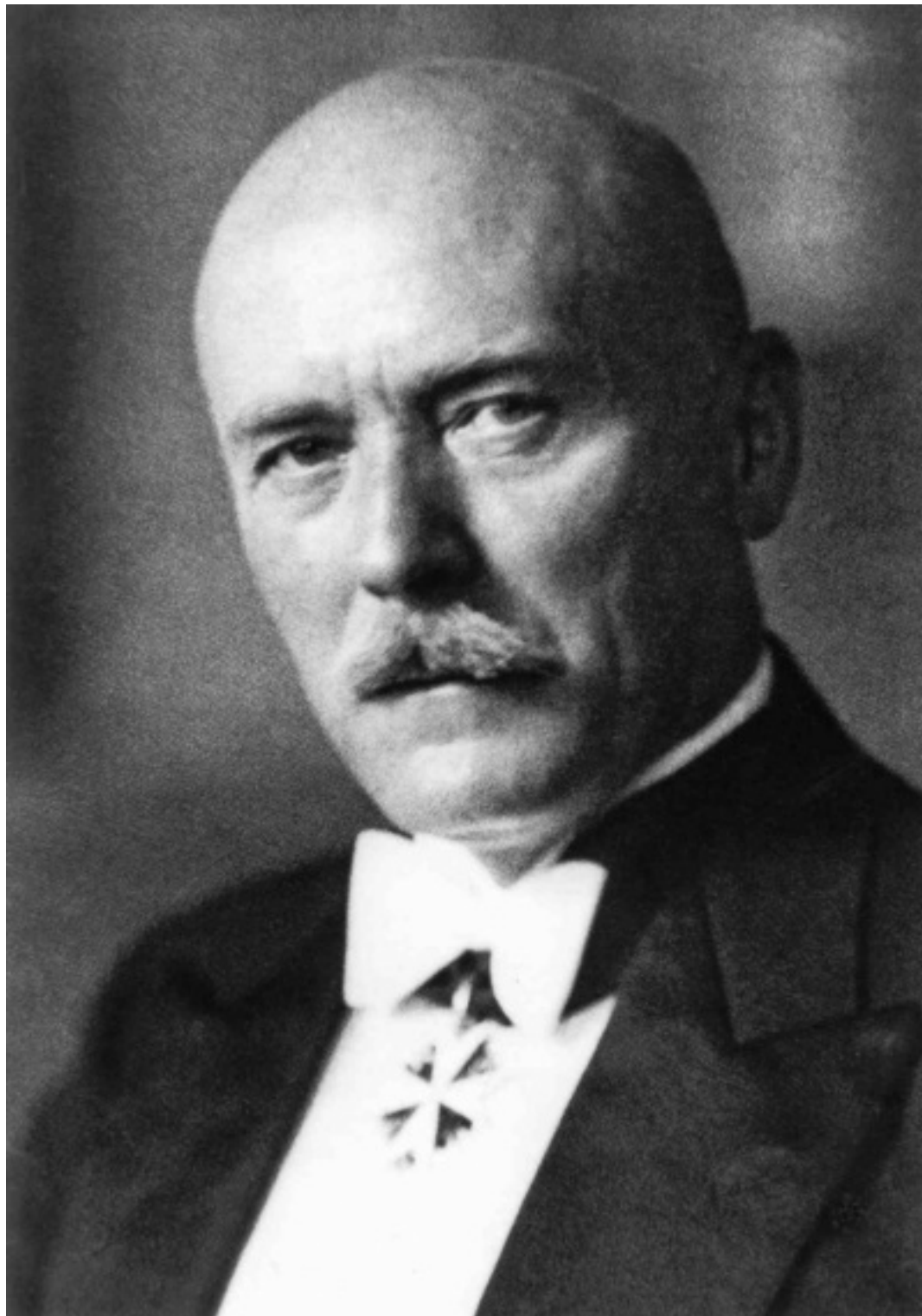
В живых осталось всего лишь пять человек. Каким-то чудом они добрались до ближайшей деревни, где местные жители их накормили и дали одежду. Военную форму пришлось закопать где-то в лесу. Вокруг на сотни километров все было оккупировано немцами. Но наши разведчики вновь стали пытаться прорваться к своим. По дороге им пришлось пройти через поле, где всего лишь несколько часов назад они едва не погибли, где покоились их товарищи. Вскоре они увидели еще одну разбитую колонну. Одна из частей Западного округа была полностью разбита. Многих взяли в плен. Несколько мотоциклистов подъехали к разведчикам, и один из них приставил пистолет к виску лейтенанта Вронского. Но в самый последний момент немец передумал стрелять в «нищего крестьянина».

Спустя две недели, во второй половине июля, остатки белостокского разведотделения соединились с частями Красной армии. В Москве в полном поражении Красной армии на Западном фронте обвиняли командование Западным особым военным округом. Однако в этом поражении был виноват сам Сталин и люди из его ближайшего окружения. С января 1941 года Сталин получил около 17 донесений нашей разведки, в которых называлась даже точная дата начала войны. Не поверил он и послу Германии в Советском Союзе – человеку, которому был ненавистен режим Гитлера, человеку, который несколько раз предупреждал о начале вторжения. Граф Шуленбург – именно он приехал в ночь с 21 на 22 июня в Кремль, чтобы передать Молотову меморандум об объявлении войны.

Рассказывает **Сергей Кондрашов**: *«В начале марта Шуленбург пригласил начальника Управления по обслуживанию дипкорпуса к себе и сказал, что ему в этом году дача под Москвой будет не нужна. Тот говорит: «Ну, вам не нужна, так посольству, может быть...» – «И посольству не нужна будет дача». «Ну, господин посол, а может быть, кому-нибудь, кто вас сменил, дача все-таки понадобится...» – «Никому дача не понадобится». Вот так, открытым текстом. А в начале апреля он вызвал того же начальника УПДК и говорит: «Вот вам чертежи. Изготовьте мне ящики по этим чертежам. Большие деревянные ящики». Тот спрашивает: «Господин посол, а для чего ящики?» – «А я, – говорит, – все ценное имущество посольства должен упаковать в эти ящики». «Но, господин посол, вы что – меняете всю мебель, и все ковры, и картины, и т. д.?» – «Я должен упаковать и подготовить. Я ничего ни на что не меняю». И последнее – он 5 мая был у Владимира Георгиевича Деканозова, замминистра иностранных дел. Эта беседа не сохранилась, но по косвенным данным, по рассказам помощников, с которыми я беседовал, судя по всему, Шуленбург сказал: «Господин министр, наверное, мы с вами в последний раз беседуем в такой мирной обстановке». Это было 5 мая».*

В августе 1941 года на всем западном направлении не было деревни, которая не была бы оккупирована немцами. Только небольшую часть населения угоняли в Германию. Большинство людей погибали, защищая свои дома, своих близких. Представители «великой арий-

ской расы» насиловали и убивали, грабили и выжигали целые села. Местные жители уходили семьями в леса в надежде найти партизан и начать свою войну против захватчиков.

Граф Вернер фон дер Шуленбург передал меморандум о начале войны

К тому времени лейтенант Вронский стал заместителем командира разведчасти и радиостом. Небольшому разведотряду в тылу врага удалось создать руководящий штаб партизанского движения. По приказу центра главной задачей отряда была разведка дислокации немецких частей. В деревнях, оккупированных немцами, разведчики вербовали патриотов, которые

помогали им передавать информацию за линию фронта и снабжать партизанские отряды оружием и боеприпасами.

Осенью 1941 года на западном направлении восемь партизанских отрядов были объединены в партизанский корпус. Спустя несколько месяцев партизаны сумели отразить наступление 12 000 карателей.

Лейтенант Вронский стал начальником штаба одного из отрядов и воевал в тылу врага 27 месяцев. Пройдя специальную подготовку, Вронский возглавил одно из оперативных подразделений, которое руководило боевыми действиями партизан. За все время своей войны в партизанском отряде Вронский провел более ста разведопераций. В 1943 году из Москвы пришел приказ о награждении его орденом Красной Звезды. Существует последнее фото на память со своим боевым партизанским отрядом. Спустя несколько месяцев Вронского отзовут в центр. Это единственный документ о его партизанском прошлом. Но этот документ выдан уже на другое имя. Сколько всего имен и псевдонимов было у этого человека? Его личные дела лежат сегодня где-то в спецхранах под грифом «хранить вечно».

Итак, в августе 1944-го Вронский приехал в Москву. Впрочем, он уже был не Вронским. В Кремле героям-фронтовикам вручали награды. И когда награждающий произнес фамилию Фёдоров, Михаил Владимирович не сразу понял, что обращаются к нему. Через несколько дней его вызвали на Лубянку, где он получил приказ уехать в Англию. Он вновь получил новое имя. Что творилось тогда у него в душе? У человека, который почти три года провел на войне?

Спустя год в Лондоне, в дипломатическом представительстве одной из стран Восточной Европы, появился импозантный молодой человек. Взгляд героя-любownika и безукоризненные светские манеры никогда не смогли бы выдать в нем недавнего фронтовика. Через полтора года он вновь вернулся в Москву, и вновь для того, чтобы ее покинуть. Правда, на сей раз он был не один. С ним отправилась его любимая женщина, его супруга Галина. Через несколько промежуточных стран наши нелегалы приехали в Западную Европу, где им предстояло прожить долгих 15 лет, выполняя особо важные задания правительства Советского Союза. Но находясь там, в чужой стране, Михаил Владимирович помнил каждый свой день, проведенный в белорусских лесах. Помнил каждого погибшего друга. Помнил, что он лейтенант Вронский. И помнил лицо того нациста, который держал пистолет у его виска.

Рассказывает сам **Михаил Фёдоров**: *«Я переживал ненависть, потому что она осталась с войны. Я когда встречал там немцев, приглядывался к ним. Немцы встретились нам где-то в путешествиях. Мы вместе ходили в группе по музеям, когда так организовывалось. Сначала я с пренебрежением относился к ним, не заводил ни с кем разговоров. А немцы такие – когда их много, особенно молодежи, они крикливые, смелые. Крики, выпивка... Ночью в санатории уже спим, а они шумят... молодежь. Немцы сильны тогда, когда они вместе».*

В этой враждебной послевоенному Советскому Союзу стране Михаила Фёдорова звали господин Стефенсон. Он стал хозяином крупного магазина, который обеспечивал тканями всех самых известных модельеров Франции и Италии. Весь высший свет Европы ходил в нарядах от нашего разведчика. Они с супругой поселились в уютном доме в отдаленном от центра города месте. Из этого самого особняка и проходили радиопереговоры с Москвой. Именно отсюда шла важнейшая информация по стратегическим планам НАТО. Под видом беззаботных туристов семья Стефенсонов путешествовала по Европе, но каждая поездка была четко спланированной разведоперацией. И все 15 лет Фёдоров не забывал о тех, с кем когда-то его связала война.

Рассказывает **Михаил Фёдоров**: *«Когда мы вернулись с Галей из загранкомандировки, я стал разыскивать партизан. Я пришел на станцию метро «Ждановская». Взял с собой маленький киноаппарат. Когда мы с Галей вышли из метро, я увидел группу стоящих мужчин и всех узнал. Наши. Я говорю: «Галя, вот они – наши... Мои...» Я взял камеру, сначала их снимал, потом дал камеру Гале и сказал: «Я пойду, а ты снимай».*

Они меня не сразу узнали, а когда я подошел к ним, стал называть их по фамилиям, только тогда узнали. Потом один прямо бросился на меня и стал обнимать. Первый момент был замечательный, ведь они думали, что я погиб».

А потом было долгое русское застолье. Когда все смеялись, вспоминая партизанские байки, и плакали, поминая погибших друзей. До этой встречи многие считали, что старшего лейтенанта Вронского давно уже нет в живых. Ведь до этого самого дня он не имел права никому из своих боевых друзей называть свою настоящую фамилию. И каждый хотел с ним сфотографироваться. Чтобы в старых боевых альбомах рядом с той прощальной фотографией 1944 года появилась еще одна, сегодняшняя.

На следующий день все вместе поехали в Измайлово зажигать традиционный партизанский костер. Но никто ни разу не спросил у полковника Фёдорова, почему он говорит с таким непонятным иностранным акцентом и почему у него вдруг изменилась фамилия. Впрочем, его боевым друзьям это было неважно. Главное – что их Вронский снова с ними и снова в строю.

С той памятной встречи прошло много лет. Почти никого не осталось из друзей-партизан полковника Фёдорова. И сам он скончался в 2004 году. Но до конца своих дней два раза в году он надевал свои ордена и отправлялся к тем, кто был еще жив. И на несколько часов погружался в свое прошлое. Прошлое, в котором все еще был слышен грохот разрывающихся снарядов. В прошлое, где его по-прежнему звали лейтенант Вронский. А потом, придя домой, он еще долго не мог успокоиться. Перебирал фотографии, смотрел старые киноплёнки. Он знал – в такие дни он долго еще не мог уснуть, а когда засыпал, ему вновь снился первый день войны.

Начало

Боль утрат, суд времени, старые раны... По обе стороны тогдашнего фронта живы свидетели тех давних событий. Одни встречают старость в почете и уважении, другие в безразличии и забвении. Кто хочет слышать, тот услышит их правду. Правду тех, кто 70 лет назад смотрел друг на друга в перекрестие прицела.

1937 год, Всемирная выставка в Париже. Грандиозный павильон Советского Союза, напротив – не менее величественные выставочные залы Германии. Символичное противостояние – с одной стороны немецкие орел и свастика, с другой – Рабочий и Колхозница. А между ними – пока еще свободная Европа. Но на этом празднике уже слышно дыхание близкой катастрофы, многие понимают: новой войны не избежать.

В то время **Лотер Фольбрехт, в 1941-м – младший командир школы «Гитлерюгенд»**, вместе с родителями жил в Берлине и хорошо помнит, как бурно рукоплескали соотечественники легким победам немецкой армии. Вот его воспоминания о том времени: *«До 1941 года у немецкой армии все шло хорошо, были завоеваны Польша, Франция, Норвегия, Балканы. Германская армия все время шла вперед, успешная операция была проведена в Африке. Немецкому народу постоянно сообщали об успехах вермахта. Восхвалялись его победы над англичанами»*.

Победный марш гитлеровской армии продолжается. Теперь экономический потенциал и ресурсы захваченных стран будут работать на Германию. Париж пал 14 июня 1940 года. Гитлер смотрит на еще не поверженную Европу. Впереди главная цель – достижение мирового господства тысячелетнего рейха.

А в это время в Москве на заводах и в школах, в газетах и по радио об успехах Германии говорят только с одобрением. Никаких резких слов в адрес Гитлера. СССР – надежный союзник. Берлин должен быть уверен в лояльности Москвы.

Анатолий Черняев, в 1941-м – студент исторического факультета МГУ, рассказывает об этом времени так: *«Всех восторгали эти пикирующие бомбардировщики – тогда это в новинку было, как они бомбили англичан и французов, – и все эти танковые прорывы. Все это газеты наши постоянно публиковали и напичкивали нас этим»*.

Вот как преподносит официальную точку зрения **Союзкиножурнал № 86 от 13 сентября 1939 г., производство Московской студии кинохроники**: *«Руководители коммунистической партии и государства, а также рядовые агитаторы разъясняют народу, что гитлеровская партия – все-таки рабочая партия»*.

Карл-Герман Клауберг, в 1941-м – лейтенант 16-й моторизованной дивизии вермахта, вспоминает: *«НСДАП, нацистская партия, у нас по первым буквам расшифровывалась как «ты ищешь должность», а для членов партии сокращенно, тоже по буквам, – «должность найдена»*.

Ни сам Карл Клауберг, ни его родители в нацистской партии не состояли. Он выходец из богатой, почти аристократической семьи, в 1940 году закончил военное училище в звании лейтенанта. *«Я, как и мои родители, никогда не имел дела с Гитлером и не состоял в партии. Шла Олимпиада, Гитлер говорил о великой Германии и о своем величии, и в это поверили не только немцы. Так вот, в 1936 году здесь, в Берлине, во время Олимпиады громче всех ему кричали «Хайль!» американские студенты»*, – рассказал он.

Риторика этих одержимых нацизмом людей тогда шокировала многих немцев. Многие были без ума влюблены в Гитлера.

Это хорошо помнит **Георгий Арбатов**, до войны живший с родителями в Германии: *«Неистовствующие восторженные толпы... Я, честно говоря, не мог понять, чем восторгаться. Он на неподготовленного человека не мог произвести хорошего впечатления – исте-*

ричный и гримасничающий. Но на немцев воздействовал, на каких-то нотах сыграл и сумел стать не только популярным, но и обожествляемым человеком».

Еще в 1930-е появились первые школы организации юных гитлеровцев – «гитлерюгенда». Здесь должны были расти сильные, выносливые и преданные делу фюрера солдаты. Турпоходы и спортивные состязания постепенно переходили в военное учение, а солдатские френчи заменяли становившуюся тесной униформу «гитлерюгенда». Германии нужны солдаты, которые будут убивать каждого, кто встанет на пути великого рейха.

Гитлер пожимает руки воспитанникам «гитлерюгенда»

Одним из таких преданных фюреру юных фанатиков был **Герд Шнайдер**. Он из семьи потомственных военных, его отец – белая армейская кость, генерал и надежда фюрера. Еще мальчиком Герд стал активистом элитной школы Адольфа Гитлера. Как-то раз он был допущен на аудиенцию к фюреру. Ту встречу он помнит в мельчайших деталях: *«Я восхищался Гитлером, однажды мне даже посчастливилось близко увидеть его. Это было в декабре 1939 года, шла война. Когда мы, мальши, увидели входящего в комнату фюрера, мы были потрясены и дружно приветствовали его: «Хайль, мой фюрер!» Эта фотография появилась во всех газетах, я очень гордился той встречей».*

Рассказывает **Георгий Арбатов, в 1941-м – курсант артиллерийского училища**: *«Коричневый цвет стал самым распространенным цветом в Германии, начались погромы еврейских лавочек, антисемитские и антикоммунистические лозунги и марши молодых людей в полувоенной или военной форме».*

Об этом же вспоминает **Лотер Фольбрехт**: *«Это были такие короткие коричневые штаны. Форма не была похожа на армейскую для взрослых, но многие хотели носить форму «гитлерюгенда». Это было почетно – светло-коричневые рубашки с карманами, эмблема на рукаве и черные шейные платки».*

В Москве не могут не замечать побед Гитлера. В Кремль одна за одной идут секретные телеграммы о скором нападении на СССР. А Сталин не верит своим военачальникам. До войны

уволено 40 000 офицеров, в Красной армии репрессии, многие обвинены в заговорах и предательстве, и многих к лету 1941-го уже не было в живых.

Страна продолжает верить Сталину и строить мирную жизнь. Великий вождь товарищ Сталин и закаленная в боях партия – им вести молодую советскую республику к очередным победам, в счастливые годы... Беззаботная юность, подъем и уверенность в своих силах.

Но скоро в старых альбомах появятся другие фотографии, и миллионы молодых людей и девушек сомкнут ряды в другом марше. А пока для немецких специалистов в Советском Союзе открыты химические комбинаты, оборонные заводы и военные училища.

В январе 1941 года в Москве работали 60 немецких летчиков, с ответными дружескими визитами в Берлин отправлялись наши офицеры.

Иван Фёдоров, в 1941-м – летчик-испытатель Горьковского авиазавода, попал в Германию накануне войны в составе военной делегации. Немцы и русские еще не противники и называют друг друга по именам. Советские летчики облетают многие германские аэродромы. За работой русских пристально следят высокие гитлеровские начальники: *«Когда я сел, меня на руках вынесли. Сначала все выстроились, и они строевым шагом ко мне подходят и жмут руку. Геринг сорвал свой гобелен во всю стену, где его выткали красиво – он с женой на лошади на охоте держит за заднюю ногу и за хвост лису вниз головой, и 22 собаки веером. Так он подарил мне этот ковер».*

За внешними проявлениями дружбы – трезвый расчет. Тем временем в Москву поступают донесения о нарушении советских границ. Ответ всегда один – не поддаваться на провокации, в воздушный бой не вступать! Немцы умело проводят в жизнь план масштабной дезинформации. У них нет интересов к восточной границе. Но факты говорят о другом.

Немало таких эпизодов помнит **Николай Кюнг, в 1941-м – комиссар батареи 232-й стрелковой дивизии Западного фронта, участник обороны Бреста, впоследствии – узник Бухенвальда**: *«Нарушения участились, в день по несколько раз прилетали. Вот мы негодовали! И наши – три «ястребка»: сверху один, два сбоку, как барышню заворачивают и за границу провожают».*

Советская делегация в Берлине не знает об этих провокациях. Перед самым отъездом – прощальный фуршет. Беззаботные улыбки, приятная атмосфера, тосты во здравие и за многолетнее плодотворное сотрудничество перемежаются дорогостоящими подарками. На этом же празднике летчик Фёдоров получает германский крест – правда, высокой наградой он распоряжается по-своему.

«На другой день на работу приходим, мои друзья награды надели, а у меня нет. Подходит ко мне Виктор Васильевич Смолин, из протокола посольства, посмотрел – а где же, говорит, твое? А я ногу поднимаю и показываю – на каблук я уже прибил немецкий крест», – рассказывает **Иван Фёдоров**.

Отступление

Брестская крепость. Ранним утром 22 июня здесь стояла звенящая тишина. Но в ставке Гитлера уже был отдан сигнал под кодовым названием «Дортмунд». Гитлеровские войска перешли Буг. Вся западная граница СССР полыхала в огне – через несколько минут в крепости начнется кровешный ад.

Рассказывает **Карл-Герман Клауберг**: *«Было воскресное утро, кто-то постучал в дверь, это был хозяин квартиры. «Война», – сказал он. Мы с другом не поверили – ведь существовал договор. Мы подумали – газетная утка. А потом он сказал следующее: «Только что объявили – мы в состоянии войны с Советским Союзом».*

Вспоминает **Анатолий Ванукевич, в 1941-м – житель Минска**: *«Нас застали врасплох. Город бомбили, и первых фашистов мы увидели уже 23-го числа».*

А вот что поведала о тех страшных днях **Елизавета Костякова, в 1941-м – жительница Бреста**: *«Это, конечно, было страшно. Вдруг все покрылось гулом и грохотом. Проснулась, мой муж был уже почти одет, часы надевал на руку. И говорит, что это у артиллеристов рвутся снаряды. А я на колени встала на кровати и смотрю на границу. «Нет, – говорю, – война».*

Первым советскую границу перешел диверсионный отряд «Бранденбург». Выводилась из строя связь, расчищались мосты и дороги. Следом волна за волной хлынула пехота, танки и авиация.

Штурм Брестской крепости 22 июня 1941 года

Одним из первых удар принял Брест. Шквалом огня накрыты все выходы из Брестской крепости, отрезаны свет, связь, доступ к воде, много раненых. Рядом – офицерские семьи. Уже к четверем часам утра большая часть казарм и жилых домов разрушены, гарнизон Бреста – всего два полка пехоты, у противника десятикратное превосходство. Брест планировалось сровнять танками за несколько дней. Однако немцы вошли сюда только спустя месяц. Они назвали Брест Огненным орехом. Расколоть его удалось лишь ценой жизней тысячи солдат.

А вскоре сюда приехал Гитлер. Вместе с итальянским дуче Муссолини он инспектирует результаты боев. Гитлер доволен – его новейшее оружие и боевой дух солдат сделали свое дело. Но впереди были долгие четыре года войны.

Говорит **Карл-Герман Клауберг**: *«Мы шли против Советского Союза с тоской и тяжелым сердцем. Очень быстро нам пришлось узнать, что мы имеем дело с другим противником и что это совсем не та война, которую нам обещали. Мы понимали, что эта война будет долгой и жестокой».*

За первые недели войны войска вермахта продвинулись в глубь страны на 600 километров. В некоторых районах Украины, Белоруссии и Прибалтики гитлеровцев встречали хлебом-солью, как и подобает встречать освободителей.

Вспоминает **Надежда Троян, в 1941-м – студентка Минского медицинского института**: *«Мы, молодежь, с этими молодыми солдатами говорили: «Зачем вы к нам пришли, что вы хотите?» – «Мы пришли вас освободить». – «От кого освободить?» – «От большевиков, от коммунистов, от русских». И здесь я подумала: «Боже мой, а кто я – русская или белоруска?»*

В столицах прибалтийских республик был сплошной праздник. Толпы ликовали: свершилось, оккупация избавила их от ненавистного коммунистического ига.

Рассказывает **Борис Инфантьев, в 1941-м – студент Рижского университета**: *«В 10 часов утра зазвонили все колокола церквей, и освобожденный латышский народ в национальных костюмах с развернутыми бело-красными знаменами пошел приветствовать своих освободителей. Экзарх Московского Патриархата Митрополит Сергей сразу же велел звонить в Христорождественский соборный колокол, вышел с крестом к пастве, и слова «Христос воскрес», таким образом, ознаменовали новую эпоху».*

На Украине ненависть к сталинскому режиму была сильнее страха перед оккупацией.

Вспоминает **Степан Кашурко, в 1941-м – разведчик партизанского отряда**: *«Я видел, с какими глазами или с каким сердцем встречали люди немцев на оккупированной территории. Я же пионер был, и я задал вопрос: «В чем дело, почему вы так рады немцам, немецкой оккупации или власти?» Они говорят: «Мы готовы любому черту молиться, только чтобы не в колхозах жить».*

Новая оккупационная власть обещала свободу и сытую жизнь. Враг моего врага – мой друг. Ничто здесь не должно было напоминать о прошлой тирании Москвы.

Говорит **Хорст Цанк, в 1941-м – командир роты 376-й пехотной дивизии вермахта**: *«Поначалу у нас нигде не было проблем. Я вспоминаю, как на Украине, когда мы пришли, нам был оказан очень радужный прием. Население было дружелюбным».*

На Украине подняли голову националисты. Их собрал под свои знамена Степан Бандера. С разрешения оккупационных властей в июне 1941 года он образовал новое национальное правительство. Под лозунгом освобождения от «москалей» и под штандартами СС бандеровцы начали жестокую резню.

Вот что запомнил свидетель тех событий **Александр Войцеховский, в 1941-м – житель Львова**: *«С 30 июня по 7 июля 1941 года они уничтожили более 3000 львовян, среди которых большей частью были поляки и евреи. Через руки и ноги протягивали шест и на этом шесте, на вертеле этом крутили на огне».*

У бандеровцев – понятная нацистам идеология. Обвинив во всех бедах коммунистов, поляков и евреев, они стали методично их уничтожать. Следом на виселицу шли все несогласные с новым режимом. По всей оккупированной территории собирали евреев. Кого не успели убить, отправляли в гетто. Приказ об их создании был подписан уже через 20 дней после начала войны.

Своей жестокостью к согражданам украинские националисты начали компрометировать оккупационные власти. За первый год войны было казнено 10 000 человек.

К осени почти все западные районы страны оказались заняты. Немецкие танковые клинья на основных направлениях прорвали советскую оборону. Группировка армий «Центр» стремительно продвигалась на восток, к Москве.

Красная армия с тяжелыми потерями оставляла город за городом, рубеж за рубежом. Но обороняющиеся не сдавались и огрызались контрнаступлениями и рейдами в тыл противника. На Северо-Западе это были танкисты Ленинградского фронта.

Вспоминает **Виктор Крят, в 1941-м – механик-водитель отдельного разведбатальона Ленинградского фронта:** *«Вот мы 300 километров с лишним шли на Ленинград в Гатчину, там первый бой. Немцы высадили десант в районе Кенесебе».*

Карл-Герман Клауберг: *«В первый раз я почувствовал, что мы встретили настоящего противника, 19 августа. Я только отметил свой день рождения, и вскоре после этого мы встретились с «Т-34». 19 августа неожиданно и на большой скорости нас атаковали русские танки. Тогда мы удостоверились, что это лучшие танки в мире».*

Виктор Крят: *«Мы их мяли как хотели, и мы в основном их били ударом корпуса танка, а он такой оригинальный, потому что плавающий, вот такой загнутый, и мы прямо подминали под себя их удар, и они уходили нам под днище. И когда танк весь в крови, страшно было смотреть на это все изуродованное. Это же тоже люди были».*

Карл-Герман Клауберг: *«Мы навсегда запомнили эти леса и чудовищные потери. Первым погиб мой друг. Я видел, как первый раз за всю войну плакал наш храбрый полковник Карл Альбрехт фон Гродек – тогда мы хоронили множество убитых».*

Несмотря на упорное сопротивление, уже к началу осени немецкие войска продвинулись в глубь страны на 900 километров. Красная армия несет огромные потери. Летом 1941 года убитых, попавших в плен или пропавших без вести – почти 2 800 000 человек.

Великое московское противостояние

Столица готовится к долгой осаде и кровопролитным изнурительным боям. За несколько недель сформированы десятки дивизий народного ополчения. Добровольцев так много, что призывные пункты работают день и ночь. С Урала, из Сибири, из Средней Азии в столицу тянутся эшелоны с войсками, оружием, боеприпасами и продовольствием.

Вспоминает **Зоя Зарубина, сотрудница НКВД СССР, дочь высокопоставленных советских разведчиков**: *«3 июля был призыв Сталина, и в этот момент в Москве уже стали готовиться группы. Нам давали ложные паспорта, якобы мы где-то в других местах жили. И это были или явочные квартиры, или схрон оружия. Мы жили на цокольном этаже, там был подпол. И вот туда доверху натолкали оружие. Группа, в которую я попала, это была группа нашего очень хорошо известного композитора, его звали Лев Константинович Книгер. Он в свое время был офицером белой армии. Конспирация в группе была высокой, связь по цепочке. Я знала только пятерых, больше я никого не знала».*

Как-то сразу Москва превратилась в прифронтовой город. Войска, отряды самообороны, «ежи», баррикады, укрепления. Жизнь по законам военного времени. Первые бомбежки столицы начались уже в конце июля. В городе светомаскировка и ночные дежурства на крышах. Немецкие летчики всегда целились в центр. Пожары на Арбате и Садовом кольце стали обычным делом.

Рассказывает **Вера Дёмина, в 1941-м – ученица 9-го класса московской школы № 243**: *«Немец бомбил Москву всю. По пять тонн бомбы бросал. Сносило сразу по 19–20 домов».*

В театр им. Вахтангова попала бомба. Уничтожение грозит сотням памятников архитектуры, истории и культуры. По городу начинает расползаться слово «эвакуация». Тогда москвичи не знали, что их город – одна большая пороховая бочка. Заминированы сотни оборонных предприятий, ГУМ, Кремль, телеграф, Большой театр. Кто мог предположить, что такое придется делать своими руками...

Вспоминает **Зоя Зарубина**: *«Когда ребята приходили, просто плакали, говорили, что вот они только что заминировали телеграф, нашу гордость, какие-то помещения в Кремле. Они приходили опустошенные».*

Войска противника уже недалеко от Москвы. Паники еще нет, но вести с фронта не радуют. Кругом все уезжают, особенно евреи. Из Москвы в Куйбышев отправлены дипломатические миссии, государственное имущество вывозят 200 поездов и 80 000 грузовиков. Эвакуации подлежат 500 московских предприятий вместе с рабочими и их семьями.

Вот что запомнила **Вера Дёмина**: *«Все вокзалы были забиты людьми. Все старались уехать куда-нибудь – на север, на восток в основном».*

Головокружительное продвижение немецких войск на восток обернулось позором и проклятием для тех солдат и офицеров Красной армии, кто оказался в немецком плену. Только в первые дни войны таких было около миллиона. Плен. Его боялись. Его стыдились. Клеймо на всю оставшуюся жизнь – если хотели жить.

Вспоминает **Николай Кюнг**: *«Молоденький Лёсик, ему было лет 18 – может быть, он и был старше, но по виду как мальчик, – так вот, на третий день, как его привезли, он из подбитанников скрутил веревки и повесился в туалете. Он не смог выдержать, так его избили».*

Герд Шнайдер не скрывает очевидного: *«Да, я знаю, был такой приказ. Приказ о том, что на этой войне особые условия. И что на русских солдат не должны распространяться международные законы о военнопленных, которые обычно действуют в отношении солдат противника. Никакой жалости или сострадания к русским».*

Этот приказ составлен в Берлине 17 июля 1941 года. В нем предписывается порядок обращения с советскими военнопленными, устанавливаются требования к режиму содержания в лагерях и проведению экзекуций. Пленных можно не кормить, можно избивать, использовать на каторжных работах, убивать. Международная конвенция об отношении к военнопленным не распространялась на солдат Красной армии. К концу 1941-го в плену уже 3 000 000 человек.

Нацистская машина запрограммирована на уничтожение миллионов «недочеловеков»: цыган и евреев. Мир еще содрогнется, когда узнает о геноциде.

Говорит **Лотер Фольбрехт**: *«Немецкая пропаганда говорила, что во всех бедах Германии виноваты евреи. Нам все время твердили о еврейской враждебности и о том, что евреи нас ненавидят».*

Стремление к расовой чистоте оправдывало любые преступления. Станция Грюневальд была одной из остановок на пути в ад. Отсюда в 1941-м увозили немецких евреев, отняв у них имущество, деньги, а потом и жизнь. Таблички без имени. Надгробия с цифрами – даже после смерти этим людям нельзя было оставаться в памяти живых. Нацисты хотели забыть о целых народах. В печи крематория кидали женщин, стариков, детей. **Анатолий Ванукевич** попал в гестапо, а потом в концлагерь, когда ему было 10 лет: *«Меня поймали полиция и повели по городу Катовице в гестаповскую тюрьму. Меня ведут, пацана, по середине улицы, а все кричат: «Большевик, партизан». Потом поезд, товарный вагон. Такие составы, забитые до отказа, когда с трудом закрывались двери, везли людей к смерти, в скотских условиях, без воды, воздуха, пищи».*

Вагон что собой представлял – мы стояли, как селедки, без воды, без хлеба. В первую же ночь было очень много трупов, штабелями укладывали, а мы, пацаны, лазали по трупам поближе к воздуху, потому что не было воздуха, окошки верхние были зарешечены. И на каждой площадке сзади стоял эсэсовец с автоматом».

На редких остановках открывали двери, чтобы выгрузить трупы. Понимая, что они обречены, взрослые пытались спасти детей, кто как мог. Я помню последние слова матери: «Живи, Толя, живи».

Из вагона мальчика вытолкнули через окно в чем был – в рубашке и буденовке со звездой, которую перед войной сшил ему отец. Но его опять поймали. Дальше – концлагерь и совершенно взрослая от безысходности мысль: на волю здесь у всех один путь – через трубу крематория...

А в это время в Берлине идет совсем другая жизнь. Война далеко. Здесь не видят крови, смерти и слез. Хорошие новости с фронта, скоро падет Москва и герои начнут возвращаться в Германию. Немцы верят в победу тысячелетнего рейха. Но уже осенью 1941 года советские и английские летчики начинают бомбить Берлин.

Вот что рассказала **Элеонора Клауберг, в 1941-м – жительница Берлина**: *«Я помню, пришлось много времени проводить в подвалах, в убежищах. Мы сидели под землей и слушали артиллерийскую канонаду. Сверху падали бомбы, это было ужасно».*

Подземные укрытия были созданы во всех крупных германских городах. Надежные, устроенные, чтобы жить с немецкой аккуратностью, – с чистыми отхожими местами, рядами двухъярусных кроватей. Но кто всерьез предполагал, что вскоре немцы будут прятаться здесь и в ужасе ждать избавления от очередного авианалета русских?

Рассказывает **Герман Хорст, в 1941-м – член организации «Гитлерюгенд»**: *«Гитлер дал приказ вывезти молодежь из тех городов, где шли бомбардировки, в другие районы Германии. У нас был очень хороший учитель, и мы с ним уехали в Австрию, там мы жили в гостинице».*

Эвакуация стала для школьников экзотическим путешествием, неожиданными каникулами. В Австрии подростки проводили время на загородных пикниках и ходили в горы.

Герд Шнайдер охотно показывает старые фотографии: *«Я учился в школе, мы хотели получить аттестаты и готовились к выпускным экзаменам. На этой фотографии доктор Роберт Лей, один из основателей школ Адольфа Гитлера. Я охотно фотографировался со знаменитостями. А это мои одноклассники, мы делаем домашнее задание. Вытащили столы на балкон и на солнышке что-то пишем. А это наша комната. Мы жили в комнатах на шестерых. Вот на таких двухэтажных кроватях мы спали, а здесь умывались. Вот такая была жизнь».*

А вот что вспоминает **Штефан Дернберг, в 1941-м – член Интернациональной комсомольской бригады**: *«Я оказался в добровольческой бригаде Московского комсомола. Где-то южнее Смоленска нас высадили. Мы понятия не имели, что нам тут делать, думая, что фронт где-то чуть ли не на границе. И мы стали строить противотанковые рвы».*

На строительство завалов, рвов и заграждений уходит все трудоспособное население столицы и пригородов. Работали от зари до зари, до кровавых мозолей.

Рассказывает **Вера Дёмина**: *«Мы лес пилили, прутья обрубали, кто что мог. И этим лесом закрывали ямы, чтобы танки, когда шли, попадали бы в эти ямы, как волки».*

И все-таки никто не верит, что по Крымскому мосту будут печатать шаг германские войска, а по улице Горького пойдут чужие танки. До передовой уже рукой подать. И из последних сил люди гонят от себя отчаяние.

Говорит **Анатолий Черняев, сержант, участник боев за Москву**: *«Потом мне рассказывали, что было. Побегало начальство, Москва вся была завалена пеплом, потому что жгли документы и все это в трубы вылетало на улицу. Бумажки всюду были разбросаны. Еще были попытки растаскивать магазины».*

Вспоминает **Кирилл Осипов, в 1941-м – курсант артиллерийского училища**: *«Мы жили на улице Горького. Улица была спокойная. Наоборот, рядом внизу был гастроном, и в этом гастрономе руководство раздавало то, что у них было».*

В гастрономах – очереди за продуктами, раскупается все. А железнодорожные вокзалы штурмуют желающие покинуть Москву.

Вспоминает **Вера Дёмина**: *«Я работала в районе Белорусского вокзала, рядом «Большевик» (кондитерская фабрика. – Прим. ред.). На этом «Большевике» рабочие тоже бежали, потому что предприятия закрывались, эвакуировались».*

Предполагалось, что в Москве могут быть диверсии. Не исключена была высадка немецкого десанта. На дорогах патрули. Кто может, оставляет столицу. Направление одно – на восток. Город словно вымер. Не было никаких беспорядков. У чекистов особые полномочия: паникеров и мародеров расстреливать на месте.

Рассказывает **Анатолий Черняев, сержант, участник боев за Москву**: *«Москва была объявлена на осадном положении, был введен комендантский час. В общем, по-сталински, железной рукой, буквально за один день навели порядок. Паника была, по-моему, 17 или 18 октября. А 19 октября уже все было приведено в порядок».*

19 октября 1941 года вспыхнул бунт в Иваново. Когда рабочие текстильных фабрик узнали, что производство планируют взорвать, заводы захлестнули стихийные митинги, люди бросили работу и с протестами пошли к руководству – они не хотели уничтожать станки. В протоколах НКВД детально описаны события тех дней и скрупулезно подсчитана вина каждого, кто посмел саботировать приказ Государственного Комитета Обороны.

Варваре Балакиревой, ткачихе Приволжского льнокомбината, было тогда 19 лет, и она побоялась бросить работу. О тех событиях она вспоминает так: *«Какой-то директор, или совещание у них было, или собрание какое, сказал якобы, что к Москве подходит враг, и если к нам придут, фабрики мы не оставим им, взорвем. Мины уже подложены. Мы все боялись потерять работу: чем мы будем кормиться, если даже сюда немцы придут?»*

Два дня текстильщики бастовали. Рабочие пытались перекрыть железную дорогу, выводили из строя вагоны и паровозы. Судя по этим протоколам, среди рабочих кто-то умело распространял слухи о том, что сдан Ленинград и вот-вот падет Москва, а немцы – культурный народ и рабочих в обиду не дадут. От страха остаться без работы люди обезумели.

На подавление восстания были брошены части НКВД, активистов арестовали. За несколько дней провели закрытые судебные заседания. Зачинщики волнений получили по 10 лет лагерей с конфискацией имущества. Страх потерять работу победил еще больший страх – высшей меры наказания по законам военного времени.

Рассказывает **Варвара Балакирева**: *«Пошумели, покачали ворота, а на другой день все вышли на работу».*

Пятнадцать забастовщиков были расстреляны. Руководители фабрик, не сумевшие вовремя распознать саботажников и подстрекателей, понижены в должностях. В этой истории – трагизм тех дней, когда паника, страх и безысходность заставляли людей искать любой выход, только бы сохранить жизнь.

К ноябрю 1941-го немцы так и не взяли Москву. Гитлер был недоволен. Начавшаяся осенняя распутица замедлила темпы наступления. Тыловые части и обозы начали застревать на раскисших дорогах. Молниеносная война переходила в иную стадию.

Зима 1941-го обрушилась на немцев сильнейшими морозами и жестокими ветрами. К началу декабря в немецкой армии случаи обморожения превышали число раненных в бою. Пострадавших от холода уже более 100 000 человек.

Лотер Фольбрехт рассказывает: *«Один из моих братьев, он был на восемь лет старше меня, попал на Восточный фронт и дошел до Москвы. Он был простым солдатом – ефрейтором. Так вот, там, под Москвой, мой брат отморозил ноги. Он был в тяжелом состоянии и попал в госпиталь. Он вспоминал: армия была абсолютно не готова к таким холодам и не могла развивать наступление в таких условиях».*

Его воспоминания подтверждает **Анатолий Черняев**: *«Армия была одета не по-зимнему. И когда мы потом сталкивались с немцами и брали их в плен – видели бы вы, в чем они одеты!»*

От холода страдали не только люди – в двигателях германских танков замерзала смазка.

Диверсиями и терактами на фронте руководит Четвертое главное управление НКВД под началом Павла Судоплатова. Отряды подпольщиков создаются из молодых сотрудников разведки, спортсменов и студентов. Еще недавно эти молодые люди ставили спортивные рекорды. Теперь они – советские разведчики, которые не дают вгрызшемуся в московскую землю противнику отдыхать.

В их числе была и **Зоя Зарубина, в 1941-м – разведчица диверсионного отдела НКВД СССР**. Ее квартира стала своеобразным сборным пунктом, откуда ее соратники уходили на задание: *«В какой-то момент – я этого никогда не забуду – произошло следующее. У нас была такая маленькая ванная, не помню, для чего я туда пошла, и один из этих молодых парней зашел туда и сказал: «Знаешь, по-настоящему меня совсем не Вася зовут, а Коля, – я не помню сейчас точные имена. – Но, если что со мной случится, вот тебе телефон, позвони, пожалуйста, туда». Вы знаете, я держала эту бумагу, она горела у меня в руке».*

Многие из этих молодых разведчиков не вернутся домой – погибнут, выполняя задание, уже в эту первую зиму. За окном ноябрь, положение на фронте отчаянное, но войска получают неожиданный приказ.

Рассказывает **Георгий Арбатов**: *«Мы вернулись в Москву. У нас забрали орудия, и началась строевая подготовка по плацу. Мы удивлялись – в чем дело, почему, ведь война рядом с Москвой. Нам не могло прийти в голову, что это подготовка к параду».*

7 ноября должен состояться военный парад – так решил Сталин. Молотов и Берия, как могли, отговаривали главнокомандующего, но Сталин стоял на своем.

Вспоминает **Кирилл Осипов, участник парада 7 ноября 1941 года:** *«На Красную площадь мы пришли без двадцати восемь. Площадь была темная, засыпанная снегом».*

По Красной площади должны были пройти почти 30 000 человек. Отсюда – колоннами прямо на фронт. Участники парада с трепетом ждали его начала. Кому из них было суждено вернуться назад, не знал никто, но в каждом жила вера в правое дело и вера в силу оружия. Колонны, выходя с Красной площади, сосредотачивались и быстро направлялись к окраинам Москвы, следом шли танки.

Рассказывает **Кирилл Осипов:** *«Танки пришли прямо с завода. Газеты объявили, что было 200 танков, на самом деле их было около сотни. Но, когда начальству доложили, что, мол, наврали, то кто-то из руководства сказал: вот и пусть немцы будут думать, что у нас танков было так много».*

Великое московское противостояние. Здесь решалась судьба войны и судьба страны. По одну сторону фронта – группировка вермахта, общей численностью более 1 800 000 человек. С другой – чуть больше 1 000 000 бойцов Красной армии.

Вспоминает **Анатолий Черняев:** *«К сожалению для нас, та армия была не только хорошо обучена, но еще и идеологически подготовлена. Они служили так, как полагается служить солдатам по-немецки».*

С ним согласен **Хорст Цанк:** *«Я солдат, я верил своему военному руководству и считал, что мы поступаем правильно. И ради этого можно стараться, напрягать свои силы и переживать лишения. Но вместе с тем я понимал, что командовать людьми – это одно, а идти в бой и исполнять чужие приказы – это совсем другое».*

К декабрю гитлеровская армия заняла многие районы Московской области. Взяты Наро-Фоминск, Солнечногорск, отдельные подразделения немцев прорвались в Химки. До Кремля – 25 километров по прямой. Кто-то уже бредил парадом на Красной площади. Немцы уже не сомневались – силы русских на исходе.

Тем временем советское командование хладнокровно планирует операцию. Под Москвой погибнут многие, но враг будет остановлен. Одно из направлений обороны Москвы поручено генералу Власову. Этот честолюбивый человек добьется невероятного успеха, и благодаря усилиям его войск под Москвой будет одержана победа. Власов получит звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени. За глаза в войсках его даже будут называть спасителем Москвы.

А пока Красная армия ведет контрнаступление по всей линии фронта. Здесь, под Москвой, зимой 1941-го немцы впервые сдаются в плен. Стало ясно: начинается совсем другая война.

Глава 2

Перелом

В начале января 1942 года на всех фронтах установилось странное затишье. Немцы ждали, как будет развиваться контрнаступление советских войск под Москвой. В сводках с фронта в числе самых блистательных советских генералов, которые вели бои возле столицы, называли фамилию генерала Власова. Его 20-я армия продолжала наступать. Немецкие дивизии бежали, бросая технику и снаряжение. Пала ключевая точка гитлеровской обороны – Солнечногорск.

К концу января Красная армия освободила 11 000 населенных пунктов. Враг был отброшен от рубежей Москвы почти на 200 километров. Сталин снял требование об открытии второго фронта. Он решил, что после победы под Москвой можно выиграть войну без помощи союзников. Сделать это планировалось, невзирая на огромные потери Красной армии в 1941 году – более 3 000 000 человек убитых, раненых и плененных.

10 января 1942 года за подписью Сталина вышло директивное письмо Ставки. В нем ставилась задача завершить разгром противника уже к концу 1942 года. В январе Красная армия перешла в наступление по всей линии фронта.

Потери немецкой армии во время московской битвы составили около 500 000 человек. Однако Ставка в шесть раз преувеличила нанесенный противнику урон. Сталин полагал, что машина вермахта сломалась и починке не подлежит. Но неожиданно немцы оказали мощное сопротивление почти на всех направлениях.

В 1942 году **Владимир Галл** был назначен **переводчиком отдела пропаганды танковой армии**. Вот что он рассказывает: *«Меня направили в 7-е отделение политотдела 2-й танковой армии. Мы выезжали на самую передовую линию фронта и там через микрофон и через усилители с переднего края обращались к немецким солдатам. И говорили им именно правду. Вместо того чтобы поблагодарить нас за то, что мы говорили правду, на нас каждый раз обрушивался очень интенсивный огонь».*

Зимой 1942 года моторизованная дивизия лейтенанта Клауберга вела тяжелые оборонительные бои в районе Ростова-на-Дону. Немцы несли большие потери. Впервые с начала Второй мировой войны в дома Германии стало приходить так много похоронков.

Говорит **лейтенант Клауберг**: *«Большинство наших солдат не считали себя захватчиками. Мы скорее чувствовали себя освободителями. Кроме того, от мирного населения мы не раз слышали слова благодарности. Мы видели, как тяжело, как ужасно жили эти люди в тогдашнем Советском Союзе, под властью сталинского режима. Они до сих пор живут не так хорошо, как мы живем здесь, в Европе».*

Резко изменилась и мирная жизнь. Участились воздушные налеты, население старалось укрыться в небольших деревнях, многие покидали страну. Те, кому некуда было бежать, прятались от бомбежек в убежищах, запасались продуктами и проклинали Гитлера. Даже самые преданные сторонники фюрера понимали, что эта война закончится не скоро.

Тем не менее на фронт все еще уходили немецкие добровольцы. Основную их часть составляли члены нацистской молодежной организации «Гитлерюгенд». Одним из членов этой организации был **Лотер Фольбрехт**. Зимой 1942 года Лотер провел в Берлине и рассказывает о ней так: *«Война началась 22 июня 1941 года. И все шло хорошо. А потом случилась беда с моим братом. Он отморозил себе ноги и попал в госпиталь. Моя семья очень тяжело пережила эти события».*

В городе Берлине страшного голода не было. Были продуктовые карточки, и можно было купить то, что в них было указано. Правда, кофе и шоколада не было. Не было также и апельсинов. Но самое необходимое было».

А вот воспоминания ленинградки **Шуры Садиковой**: *«Около Кировского завода были совхозы. И мы пошли туда, несколько человек от школы. И стали там собирать кочерыжки и листья от капусты. Сил не хватало, мы настолько уже были изможденные, худые, что ложились прямо на эти кочерыжки и грызли их.*

И вот в этот момент, когда я туда поехала, у меня вытащили карточки. Хотя в Ленинграде случаи воровства были редкими. У меня вытащили карточки нашей всей семьи».

В блокадном Ленинграде украденные карточки Шуры Садиковой означали одно – смертный приговор. Две недели ее семья жила на воде и картофельных очистках. Девочка уже умирала от голода, когда ее как члена семьи рабочего Кировского завода вывезли из города.

5 апреля 1942 года Гитлер подписал директиву № 41 о планах летней кампании. Главной целью фюрера были кавказские нефтяные районы. Но Сталин его опережает. В начале мая Красная армия начала наступление под Харьковом, в Крыму и под Ленинградом. Немцы с трудом сдерживают натиск наших войск. Но одновременный удар на нескольких направлениях стал роковым. Это был еще один просчет советского командования. Танковая группа Клейста прорвала фланги Юго-Западного фронта. Под Харьковом две советские армии оказались в котле.

В апреле 1942 года разведотряд **капитана Глущенко** был окружен. По воспоминаниям капитана, *«наше командование не контролировало ситуацию. Немцы добились полного превосходства и на земле, и в воздухе. Казалось, вернулся кошмар лета 1941 года».*

Остатки окруженных армий ожесточенно сопротивлялись. Но это сопротивление было хаотичным. В начале июля 1942 года группировка вермахта «Вейхс» ударила в стык Брянского и Юго-Западного фронтов. В советской обороне образовалась 300-километровая брешь. Дорога на Кавказ и Сталинград оказалась открыта. Перед танковой армадой вермахта открылась идеальная для движения местность – кубанские степи. Это была катастрофа.

Рассказывает **капитан Глущенко**: *«Как нам казалось, части Красной армии, видимо, сражались не так, как им приказывали. Они не могли оказать решительного сопротивления наступающим частям.*

Когда мы подошли к штабу, он уже был разгромлен. И тяжело раненая телефонистка успела мне только сказать: «Капитан, спасайте знамя дивизии».

Меня тяжело ранило в левое плечо, раздробило его. Меня забрали в медсанбат и перевезли на Кавказ».

Поражения весны и лета 1942 года подорвали моральный дух военнослужащих. В те летние месяцы в плен попало около 500 000 солдат и командиров Красной армии. Взвод красноармейца **Дмитрия Кодова** отступал в районе Донбасса. Вот что он запомнил: *«Утром проснулся, ни командира взвода нет, ни одного парня. Они вдвоем сели на машину, где-то ее поймали, и тютю. А мы остались, как бараны. В лесу сидели, пока были у нас харчи. Мы пошли до хозяйки, до крайней хаты. Попросили у нее покушать. Она дала нам покушать, и вот немец приходит».*

Казак Дмитрий Кодов принимает решение перейти на сторону немцев. Таких, как он, отправляли воевать в специальные казачьи формирования вермахта. А немецкие роты пропаганды призывали красноармейцев сдаваться в плен, обещая им довольствие немецких солдат.

Говорит **Дмитрий Кодов**: *«У них тоже были так называемые роты пропаганды. Я знаю, что они тоже писали, сбрасывали листовки и обращались в виде звукопередачи к нашим войскам».*

Блокада Ленинграда отнимала колоссальные ресурсы. Для обеспечения многотысячного города и 30 оборонявших его дивизий нужны были тонны питания и снаряжения. И все это

можно было доставлять только обходными путями, по воздуху и воде. Стояла задача прорвать кольцо блокады. Освободить Ленинград Сталин доверил герою московской битвы генералу Власову. В апреле 1942 года генерал принял командование 2-й ударной армией.

Из-за очередной ошибки Ставки над частями 2-й ударной армии нависла угроза окружения. 30 мая армия оказалась в котле и к моменту назначения Власова была уже обречена. Попытка вывести ее по узкому коридору провалилась. Спасти удалось чуть более 9000 человек. Более 30 000 солдат и офицеров 2-й ударной армии погибли или попали в плен. На поиски командарма Власова были брошены шесть групп разведчиков. Но они опоздали: генерал был схвачен местным отрядом самообороны и выдан нацистам.

После нескольких недель плена Власов согласился сотрудничать с немцами. Имя и лицо триумфатора московской битвы были нужны Гитлеру не только для морального уничтожения Красной армии. Власов должен был стать символом. Именно он, по задумке фюрера, поведет за собой тех, кто ненавидит коммунистов и советскую власть.

Гитлер в резкой форме отказался обсуждать автономию для России и русских. Иным было отношение к казакам. Их освобождали из плена, в казачьих станицах не устраивали репрессий. Из пленных казаков начали формировать кавалерийские полки. Летом 1942 года офицер немецкой разведки **Филипп Юх** прибыл на Кубань для формирования 1-й казачьей дивизии. Вот что он помнит: *«Я поступил на службу в 4-й кубанский полк. Я горжусь, что служил именно в этом полку. Потому что там, среди казаков, была поистине удивительная атмосфера. Я помню, как мы вместе с казаками уходили из станицы. Казаки шли вместе с вермахтом».*

Казачья дивизия вермахта

Всего за год вермахт сформировал 20 казачьих полков. Для одних казаков, на своей шкуре испытавших трагедию расказачивания, служба в вермахте стала борьбой с ненавистными большевиками. Для других – шансом вырваться из лагерей военнопленных. В случае **Дмитрия Кодова**, попавшего в плен летом 1942 года, правдой было и то и другое: *«Приехали*

мы в Славуту, в Шепетовский район. В Шепетовке лагерь казачий. Дня два прошло, как мы в Славуте были. Приезжают три казачьих офицера. «Кто с Дону?» Ну, поднимаюсь. «Выходи. Кто с Кубани? Выходи. Кто с Терека? Выходи». Мы, казаки, держали нейтралитет между Власовым и нами. Мы стояли за освобождение Дона, Кубани и Терека, чтобы была автономия, но независимо от России».

Казаки 1-й казачьей дивизии выполняли приказы вермахта, а не СС. Они шли сражаться не за Гитлера – они шли сражаться за свою собственность. Но в Советском Союзе всех пособников врага назовут одним позорным словом – власовцы.

Одной из самых больших проблем вермахта был советский танк «Т-34». Это были лучшие машины в мире. Оккупация и блокада лишили страну главных танковых баз: Харькова и Ленинграда. Харьковский завод успели эвакуировать вовремя. Но в Ленинграде кольцо блокады замкнулось раньше, чем успели вывезти станки. Осенью 1941 года было принято решение создать на базе Челябинского тракторного завода огромный танковый завод.

Сорок тысяч рабочих вывезли из блокадного Ленинграда. Их грузили в товарные вагоны и везли в далекий уральский город.

Рассказывает **самый молодой бригадир Челябинского танкового завода Василий Гусев**: *«Товарный вагон, в нем доски, две пилы, два топора и ящик гвоздей. И надо было весь вагон организовать в пути. Мы двинулись на Вологду и на Челябинск, нас бомбили по дороге, и в таком положении мы ехали двадцать девять суток».*

В Челябинске прибыли на вокзал, были поданы трамваи, и мы доехали до заводоуправления ЧТЗ.

У нас очень известны предприятия «Люфтвафза». Я стал изучать профессию строителя самолетов из металла. Там у меня была не очень легкая специальная работа. Я начинал изучать профессию, как бы сейчас сказали, авиастроителя».

В середине 1942 года впервые с начала Второй мировой войны у Германии появились серьезные экономические трудности. Большинство проблем нацистский режим планировал решить за счет населения завоеванных стран. Германское правительство приказывает мобилизовать все трудоспособное население советских оккупированных территорий.

Шуре Садикова было неполных 16 лет, когда она стала рабочей Челябинского танкового завода. В своей бригаде она была едва ли не самой старшей. Рядом с ней у станков стояли дети 10–12 лет. Вот что она запомнила: *«Когда я перешагнула порог проходной, я увидела, что война идет. Так мне было страшно, потому что повсюду эти дула, все направленные куда-то в сторону, танков много».*

Половина мобилизованных подростков была со всего Советского Союза. И украинцы, и молдаване, и узбеки, и таджики, вот такая публика была. Они совершенно завода не видели, всего боятся. Надо было их научить работать».

Дисциплина была очень жесткой. За двухминутное опоздание арестовывали. Ставка требовала: «Танки любой ценой». В июне 1942 года директор Танкограда Зальцман получил задание всего за один месяц освоить выпуск танка «Т-34».

Рассказывает **Шура Садикова**: *«И вот началась эта драчка. Понимаете, просто не на жизнь, а на смерть. За выполнение плана мы что только не делали. И воровали заготовки на участках, которые нам давали, и работали сутками, не уходя из цеха. Да, было. Все было. И в обморок падали, и умирали. Мы сделали 50 000 танковых моторов. И все тяжелые танки, которые выпускал Советский Союз, были на двигателях Челябинского тракторного завода. Мы изготовили 170 000 000 мин и снарядов. Вот наш вклад в победу».*

Через 40 дней первый танк «Т-34» сошел с конвейера завода. Эти 40 дней унесли жизни не менее двух десятков рабочих. Несколько десятков были искалечены. Но сам танк стал символом победы.

Летом 1942 года Гитлер все еще был уверен в своем превосходстве. Тысячи и тысячи немецких новобранцев отправляются на Восточный фронт. Впереди Сталинград и Кавказ. Улучшилось и экономическое состояние Германии. Каждый день товарные вагоны привозят с востока бесплатную и бесплатную рабочую силу.

На оккупированных территориях Советского Союза все объявлялось собственностью рейха. Население было поставлено в положение крепостных. Женщин отправляют в немецкие публичные дома. Немногочисленных мужчин сгоняют на бесплатные работы. СС и местная полиция проводят показательные карательные акции против коммунистов и евреев.

Постоянное унижение и ощущение беспомощности перед лицом жестокой бесчеловечной силы – это был новый нацистский порядок. **Вера Москолкина** 13-летней девочкой испытала ужасы оккупации родного Смоленска: *«Во время оккупации, конечно, было очень тяжело. Где-то в начале октября или в сентябре прибегает соседка, говорит, что по Большой Советской гонят пленных. Они шли изможденные такие, голодные все, какие-то оборванные. И тех, кто падал, немцы пристреливали. Это я своими глазами видела».*

20 января 1942 года в пригороде Берлина лидеры нацистской партии вынесли смертный приговор 11-миллионному еврейскому населению Европы. Нацистский режим перешел к математически просчитанной кампании геноцида. Учтено было все – от затрат на уничтожение до последующей утилизации трупов.

Тысячи людей, рискуя своей жизнью, помогали евреям спастись. Мама **Веры Москолкиной** скрывала в подвале своего дома еврейскую семью. *«Мы ничего не знали, – вспоминает Вера. – А потом, когда прошел слух, когда целую партию евреев немцы расстреляли у нас на Таборной горе, мама стала ее прятать в наш подвал».*

Полицай с нашей улицы разведал это, и они приехали, забрали эту евреечку с ее дочкой. Мама побежала за телегой, хотела, чтобы девочку ей отдали, потому что она плакала и говорила: «Галочка, возьми хоть Алю мою. Возьми Алю мою. Спаси мою Алю». Ну, она ее сумела стащить с телеги. Он догнал маму, девочку эту отобрал, бросил на телегу. Маму ударил плеткой».

Всего за годы войны на территории Советского Союза нацистами было уничтожено 2 000 000 евреев. Еще около 1 000 000 были отправлены в лагеря, и лишь чудом им удалось избежать смерти. За годы всей Второй мировой войны гитлеровцы уничтожили почти 70 % еврейской нации.

В апреле 1942 года на оккупированных территориях началась кампания по набору восточных рабочих. Их называли оstarбайтеры. Поначалу многие ехали добровольно, прельстившись посулами немецкой пропаганды.

Белорусскую девушку **Соню Токаревскую** угнали в Германию из ее родной деревни Дальва: *«Мы пришли домой вытопить печку, сготовить поест, а они налетели и нас забрали. Нас согнали на один двор, там стояли стога с соломой, и там отбирали. Кого оставить, а кого угонять в Германию. Потом из Берлина нас забрали и пригнали к помещику, у него мы жили и на полевых работах работали».*

Тех, кто отказывался ехать, немцы расстреливали. Оstarбайтеров отправляли на самые тяжелые работы: мужчин на военные заводы и шахты, девушек – на фермы немецких крестьян. На рукавах восточные рабочие должны были носить унижающую повязку с надписью «Ост».

Вспоминает **Соня Токаревская**: *«Нас повезли под Берлин. Там еще были промежуточные лагеря. Ну, это все по дороге. А были мы за 20 километров от Берлина, небольшой городок Цоссен. И в двух километрах от этого Цоссена был «дабен дорф», он считался трудовым лагерем. Но я бы сказала, что он, скорее, был ближе к концлагерю. Работай, работай, работай. Не дай бог, присядешь. Могли прикладом получить».*

Перед началом летнего наступления 1942 года вермахт получил 700 000 новых солдат. Дивизии дали и союзники Германии – Венгрия, Румыния, Италия. Гитлер разделил их на две

группировки. В задачу одной входило наступление на Кавказ. Целью другой стал Сталинград. Это была фатальная ошибка Гитлера.

6-я армия генерала Паулюса начала наступление. С середины августа 1942 года в летных заданиях немецких летчиков было написано одно слово – Сталинград. Авиация поддерживала наступавшую на город пехотную дивизию, в составе которой одной из рот командовал **капитан Хорст Цанк**: *«Целью немецкого наступления были Сталинград и Кавказ. Я участвовал в этом походе, который начался в июне 1942 года. Я прошел от Белгорода до Шебекино, где и был ранен».*

23 августа 1942 года в Сталинграде под бомбежкой погибла семья **Альберта Бурковского**: *«В этот день началась страшная бомбежка. Еще они за Волгой, а уже бросают бомбы, как раз в Волгоград попадают. Только отбросили все, следующие партии заходят. Город превратили в полные развалины, то есть ничего живого, ни одного дома нет».*

Волжский город был превращен в руины. Погибли десятки тысяч мирных граждан. Казалось, выжить в этом аду было невозможно и падение Сталинграда неизбежно.

23 августа 1942 года, когда Сталинград погибал под ударами немецких бомб, в доме Павлова родилась девочка. Ее звали **Зинаида Селезнева**. Вот ее рассказ: *«Бабушка с дедушкой жили в доме Павлова. Они работали дворниками. Когда началась бомбежка, мама побежала к ним туда. И там случились роды. Как рассказывали защитники дома Павлова, они делились со мной своими портянками на пеленки. У мамы пропало вообще молоко. И вот все 58 дней без воды, в голоде, в холоде мы выжили».*

Танковые колонны немцев вышли на окраины Сталинграда, прорвав оборону советских войск. Однако самые тяжелые испытания ждали вермахт в городе.

Здесь оборону держала 62-я армия. Немцы вынуждены были по несколько раз захватывать одни и те же позиции. Город был завален телами советских и немецких солдат. Уличные бои перерастали в рукопашные схватки.

День 23 августа был самым тяжелым для города. Были разрушены нефтяные баки, которые находились на вышке на берегу Волги. Нефть разлилась и потекла к реке. Волга горела, а в это время шли переправы.

В начале сентября командующим 62-й армией был назначен генерал Василий Чуйков. 12 сентября вермахт начал новый, как считал Паулюс, заключительный штурм города. 13 сентября через Волгу переправилась дивизия Героя Советского Союза генерала Радимцева. **Капитан Глущенко** привел его в ставку Чуйкова. Он вспоминает: *«Меня Чуйков направил на переправу встретить Радимцева, указать им направление и доставить на командный пункт. Когда мы шли с ним, нас сопровождали два солдата, одного даже убили. А мы вдвоем добрались. Чуйков его обнял, поцеловал, говорит: «Спасибо тебе, что ты пришел». Теперь мы дадим немцам».*

В страшных боях, когда за день погибали целые полки, дивизия Радимцева остановила сентябрьское наступление врага.

Альберт Бурковский стал сыном полка в дивизии Радимцева. Вот что он помнит: *«У нас в день в полк прибывало 500–600 человек, к вечеру оставалось три человека. Это мясорубка была, самая настоящая».*

Летом 1942 года вышел самый жесткий документ военных лет – приказ № 227, известный как «Ни шагу назад». Теперь отступление приравнивалось к преступлению против Родины.

Для укрепления дисциплины во всех армиях стали создавать штрафные роты для солдат и штрафные батальоны для офицеров. Чтобы штрафники и другие части, шедшие в наступление, не дрогнули, за их спинами выставляли заградительные отряды НКВД. На Сталинградском и Донском фронтах за четыре месяца было задержано 140 000 бойцов. Из них 1100 было расстреляно.

В августе 1942 года на Калининском фронте создается группа из нескольких десятков летчиков-штрафников. Командовал ею **летчик-испытатель Иван Фёдоров**. Большинство

его подопечных попали в штрафбат за убийство: *«Трое за то, что повара в котле сварили. Лучшие продукты дают гвардейцам и платят больше, чем всем остальным. А тут подметками кормят, и все. Они его два раза предупредили. А моряки и летчики два раза только предупреждают. А третий раз это уже все, хана».*

Летчики группы Фёдорова бесстрашно сражались и били лучших асов люфтваффе. Многие штрафники были представлены к высшим правительственным наградам. Все преступления им простили.

Вспоминает **Иван Фёдоров**: *«Иногда в прицел возьмешь самолет фашистский, только нажать на гашетку – и он будет сбит. И смотришь, а он уже взорвался, его уже штрафники у меня из-под прицела взяли. И мы сбили поэтому 519 самолетов».*

И Сталин, и Гитлер понимали, что здесь, в Сталинграде, решается дальнейшая судьба войны. С Кавказа под Сталинград перебрасывали все новые дивизии вермахта. К осени 1942 года численность немецких войск под Сталинградом достигла 600 000 человек.

Мы должны были отстоять Сталинград. Известен лозунг того времени: «За Волгой для нас земли нет».

Генерал Паулюс хорошо осознавал опасность расположения своей армии и предлагал отвести ее от города. Но Гитлер категорически отверг его предложение. Тем временем советское командование разработало операцию «Уран», целью которой было полное окружение и ликвидация Сталинградской группировки.

Удар советских войск по ненадежным частям союзников, румынам, привел к катастрофе. Через несколько дней 300-тысячная группировка немцев оказалась в котле.

Гитлер пообещал народу Германии и своим генералам, что деблокирует армию Паулюса. На прорыв была брошена танковая группа «Дон». Но это уже не могло спасти положение. Немцы стали пытаться вырваться из котла.

Гитлер присвоил маршалу Паулюсу звание фельдмаршала и отдал последний приказ: держаться до последнего. Но, издавая эти приказы, фюрер уже знал, что армия Паулюса обречена.

Тем временем советские части начали операцию «Кольцо» по ликвидации Сталинградского котла. Мощными ударами он был разбит на несколько очагов сопротивления. Армия Паулюса медленно агонизировала.

В городе начались зачистки. В одном из отрядов шел чеченец **Мата Радиев**: *«Когда нас перебросили в Сталинград, город уже был разделен на сектора. Мы зачищали набережную и наткнулись на один подвал. Мы сразу почувствовали: что-то здесь не чисто. Поднимаем люк, там немцы, которые начали стрелять. Погибло восемь наших. Часть немцев из этого подвала мы убили, остальные сдались в плен. Всего мы поймали около 800 человек».*

Тысячи немецких солдат, предоставленных сами себе, пытались спастись. Но это было практически невозможно. Впервые за всю Вторую мировую войну немцы несли такие колоссальные потери.

В феврале Паулюс отдал приказ о капитуляции Сталинградской группировки. В плен попало около 100 000 немецких солдат и офицеров.

Самого Паулюса отправили в Москву. Сталин рассчитывал сделать из него такой же символ, как сделал Гитлер из Власова.

Глава 3

Лоб в лоб

По улицам разрушенного Сталинграда бредут немецкие военнопленные – остатки 22 дивизий непобедимой 6-й армии вермахта. Командующий фельдмаршал Паулюс, гордость рейха и один из разработчиков плана «Барбаросса», в Берлине объявлен погибшим. Паулюса допрашивают и тщательно охраняют. Вместе с высшими генералами его штаба фельдмаршала доставляют поближе к Москве, на секретный спецобъект.

Оттуда почти ежедневно на имя Сталина идут отчеты о ходе обработки Сатрапа – такой оперативный псевдоним присвоен Паулюсу. У Сталина свои виды на любимца Гитлера. Вождь намерен добиться «покраснения» Паулюса, чтобы явить миру еще одно доказательство преимущества советского образа жизни.

Марина Кирина, переводчица МИДа, была поражена комфортными условиями, созданными для гитлеровского фельдмаршала: *«С Паулюсом мы работали в таком просветительском плане, специально никаких допросов, а просто чтобы создать ему настроение. У него была очень хорошая обстановка, большая палата, рояль ему сохранили, его собственный адъютант, свой повар. Никому не делались такие уступки».*

Пехотный капитан Хорст Цанк служил в армии с 1939 года, прошел Польшу, Францию, Украину. Как и фельдмаршал Паулюс, он стал одним из 110 000 немцев, попавших в плен в ходе операции «Кольцо», завершившей разгром немецких войск под Сталинградом, и с 1943-го по 1953-й находился в советском плену. Вот что он рассказывает: *«Под конвоем русских солдат мы шли несколько дней, почти ничего не ели. Среди нас были больные и слабые. Я шел в колонне, в которой было 150 человек. Нельзя было отставать, тех, кто не мог идти, русские расстреливали. Вот такая была дорога в лагерь, в Дубровку под Сталинградом».*

Это была самая большая партия немецких военнопленных с начала войны. Разместить их было негде, кормить нечем. Пешие колонны, которые конвоировались на сборные и пересылные пункты, растягивались на километры. В директиве военного совета Донского фронта даже указывается, что это нарушает порядок в тылу и мешает войскам.

Хорст Цанк вспоминает: *«Уже в Дубровке я обнаружил, что не могу натянуть сапоги. Обморозил ноги. Русский врач сказал, что нас отправят в госпиталь. Там в подвале из 30 офицеров, с которыми я туда попал, в живых остались только трое».*

Рядовой Красной армии **Александр Ефимов** был призван в начале 1943 года, через полгода в боях под Брянском попал в плен. Совершил побег. Затем снова плен. Этапирован в Освенцим, освобожден в 1945-м. Вот его рассказ: *«Вы знаете, каждое воскресенье там, в Освенциме, вешали. Главврач Освенцима Менгеле, слышали про такого? Менгеле, Рудольф Менгеле, был красивый мужчина. Он был одет в парадную форму, и палка у него была, заостренная на конце. И вот одному он выколол глаз этой штукой. Тот заорал бешеным криком, тогда Менгеле его стал колоть куда попало и в конце пристрелил».*

Александр Ефимов попал в плен во время контратаки, отстреливаясь до последнего патрона. В немецком плену находилось около 6 000 000 советских солдат и офицеров. Более 3 000 000 из них погибли. Еще до начала боевых действий гитлеровское командование полагало, что счет захваченных в плен советских солдат и офицеров пойдет на миллионы. Большинство из них должно было умереть.

Уже осенью 1941-го в главном концлагере рейха и учебном центре СС Заксенхаузен была осуществлена так называемая «русская акция» – расстрел 18 000 солдат и офицеров Красной армии.

Пленных подкашивала изощренная система пыток, болезни, каторжный труд, холод, голод. В специальных блоках на советских узниках испытывали новые виды ядов, химических веществ, в том числе газов. С особой педантичностью и изощренностью проводились медицинские и психологические эксперименты.

В лагерях под управлением СС, которые зачастую являлись дочерними предприятиями крупнейших германских концернов, таких, как «Фарбен», до 1945 года исправно функционировал настоящий конвейер смерти. Чтобы умереть, узники ждали в очереди, их вызывали по номерам. В каждом отсеке были репродукторы.

Вспоминает **Николай Кюнг, с 1943 года узник концлагеря Бухенвальд:**

«Что это за номер? Это вызывали заключенных, которым пришла очередь в крематорий идти. И все знали, что, как назовут твой номер, значит, завтра утром надо идти к воротам, третье окошко. Там дежурный смотрит твою фотографию – и 140 шагов до крематория».

А вот что вспоминает о своем пребывании в советском плену **капитан Хорст Цанк:**
«Я пробыл в Дубровке до лета 1943 года. Затем на госпитальном пароходе нас отправили в Волск. Мы плыли по Волге, и это было незабываемо. Койки с чистым бельем, за нами хорошо ухаживали. Я скажу так: в отличие от Дубровки это были два лучших, незабываемых дня за все время моего плена».

Капитан Цанк провел некоторое время в офицерском лагере в Суздале, а потом в Елабуге. После расформирования лагеря все офицеры в чине до капитана включительно попали в обычные рабочие лагеря. Штаб-офицеры и от майора и выше были размещены в особом лагере.

В советский плен попали 3 000 000 немцев. Около 1 000 000 погибло. Режим, который существовал в советских лагерях, был далеко не сладким, и не все могли его выдержать. Но он мало чем отличался от условий, царивших в советских местах заключения, в зонах Главного управления лагерей – сталинского ГУЛАГа.

В 1943 году секретным приказом НКВД вводятся новые нормы питания немецких военнопленных. В полтора раза больше хлеба, больше овощей. Возвращается в рацион мясо, животные жиры. Рацион теперь дифференцируется по званиям, тяжести выполняемых работ и состоянию здоровья. Эти нормы все еще недостижимы в блокадном Ленинграде.

Работа заключенных в ГУЛАГе

Говорит **капитан Хорст Цанк**: *«Врачебная комиссия разбила нас на группы по состоянию здоровья. Я был освобожден от работы. Никто не голодал и не умер. Кашу нам давали утром и вечером, а днем суп. В сутки мы еще получали по 600 граммов хлеба.*

Кусок хлеба, 600 граммов. Разделишь его на три части и думаешь, когда же съесть».

Хлебная норма **Елены Белоконь**, которая работала на киностудии, не отличалась от пайка немецкого военнопленного. Столько же хлеба получали и советские кинозвезды, с которыми ей довелось встретиться в переполненной ранеными и беженцами Алма-Ате. С 1941 года здесь работают Пудовкин, Андреев, Целиковская и многие другие известные актеры и режиссеры.

В построенном перед войной Дворце культуры размещался главный съемочный павильон, в котором Кадочников и Черкасов создавали свои лучшие роли. И хотя столицу Казахстана стали называть советским Голливудом, знаменитые фильмы, помогавшие людям верить в победу над врагом, создавались отнюдь не в голливудских условиях. Елена Белоконь вспоминает, например, что свет для кино давали только после полуночи. В остальное время всю электроэнергию отдавали заводам, работающим для фронта.

Вспоминает **Раиса Оранышева, художник-гример на картинах «Иван Грозный» и «Парень из нашего города»**: *«Шли эшелоны, очень быстро разгружались, и тут же начинались съемки. Три павильона больших, в которых шла работа, иногда использовали не по назначению. Вот фильм «Парень из нашего города», я смотрю – лестница, а под лестницей жили семьи эвакуированные, за занавеской. Так тоже бывало».*

Фильмы, выпущенные в дни войны, навсегда останутся в истории кино, как и популярные боевые киносборники, вернувшие на экран любимых довоенных героев из «Чапаева» или «Юности Максима». В новых короткометражках они призывали на борьбу с врагом.

Но все же главное достижение русского Голливуда в Алма-Ате – это историческая драма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», ставшая одним из самых значительных событий миро-

вого кино. О дотошности и требовательности Эйзенштейна ходили легенды. Скидки не делались ни на войну, ни на эвакуацию, ни на бедность реквизита. Мастера побаивались.

Вспоминает **Раиса Оранышева**: *«Приходил он на студию очень рано, раньше всех. Сначала все оббежит – он буквально бегал, так быстро ходил. Оббежит все цеха, а потом уже приходит смотреть, как гримируют Черкасова. У него уже готова была сцена, уже раскладка была, буквально. Он приходил на съемочную площадку и не думал вообще, не выдумывал, как снимать, что снимать, он уже все знал заранее. Заранее был готов к съемкам».*

К съемкам всегда были готовы и 252 оператора советской военной кинохроники, запечатлевшие лицо войны на пространстве от Баренцева до Черного моря. В боях погиб каждый пятый. Именно фронтовая документалистика принесла отечественной кинематографии первый «Оскар». В 1942 году награды американской киноакадемии был удостоен фильм режиссеров Леонида Варламова и Ильи Копалина «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой».

В Америке он шел под названием «Москва наносит ответный удар», и в кинотеатры, где шла картина, выстраивались огромные очереди. Необычайный интерес американцев к фильму объясним – там рассказывалось о первом поражении Гитлера после его стремительного рейда по Европе. Все помнят бурную овацию, которой участники церемонии вручения «Оскара» наградили советских документалистов и дипломатов, пришедших получать премию.

Этот первый «Оскар» доставил в Москву легендарный фронтовой кинохроникер Владислав Микоша, добравшийся до Америки вместе с северными конvoями. Сейчас статуэтка хранится в Московском музее кино. Она – за героизм солдат и мужество операторов.

А в тылу и на фронте с нетерпением ждали встреч с любимыми артистами и новыми фильмами. Киноконцерты, комедии, высмеивающие врага, и фильмы, воспевающие героев, – главные жанры не только советского, но и немецкого кинематографа военной поры.

И хотя большинство картин так или иначе было связано с войной, по обе стороны фронта они воспринимались как весточка из далекой мирной жизни. И в этом смысле кино воюющих стран похоже одно на другое.

Немецкая киноиндустрия выпускала и пропагандистские фильмы для русских. Однако в какой-то момент «фабрика грез» Третьего рейха уже ничего не могла поделать с катастрофическим упадком веры в гений фюрера и непобедимость германской армии.

20 июля 1944 года совершено покушение на жизнь фюрера. Заговор группы недовольных Гитлером военных созрел в Штабе главного командования сухопутных сил. Возглавил заговорщиков полковник Клаус Шенк фон Штауфенберг, подложивший бомбу в ставке фюрера «Волчье логово» в Растенбурге. Взрыв прогремел в ходе совещания, как раз во время обсуждения положения на Восточном фронте. Месть Гитлера, который оказался лишь слегка ранен, была ужасной. Заговорщики были найдены, подвергнуты пыткам в гестапо и предстали перед злобещим «народным трибуналом». В число подозреваемых попал и генерал Шнайдер, оказавшийся среди 7000 арестованных.

Последствия взрыва в «Волчьем логове» Гитлера

Сын генерала Шнайдера, **Герб Шнайдер**, был призван в германскую армию в 1944 году, воевал на Западном фронте. Он вспоминает: *«После 20 июля 1944 года мой отец, генерал Шнайдер, по приказу Гитлера был отстранен от командования дивизией и изгнан из действующей армии. Он якобы участвовал в заговоре против Гитлера. Его и еще несколько человек арестовало гестапо».*

Полковник Штауфенберг и еще три офицера были расстреляны в день покушения по приговору военно-полевого суда. Большинство заговорщиков погибли во время массовой резни в казематах берлинской тюрьмы П्लотензее. Некоторых из участников заговора задушили. Их тела, как мясные туши, повесили на огромных крюках. Всего приведено в исполнение свыше 200 смертных приговоров. Генералу Шнайдеру удалось избежать печальной участи лишь потому, что он занимался «оружием возмездия» вместе с конструктором «Фау» Вернером фон Брауном.

Говорит **Герб Шнайдер**: *«После вмешательства министра Швееера и других людей из министерства вооружения отец был отпущен и пожелал вновь отправиться на фронт. Он получил под командование пехотную дивизию. После этого снова был тяжело ранен. А затем еще до окончания войны вернулся домой».*

Как ни странно, но здоровье Гитлера, пожалуй, больше всех волновало в эти дни именно Сталина. Тот опасался, что в случае гибели нациста № 1 союзники быстро заключат сепаратный мир с новым руководством Германии и выйдут из войны.

Между тем еще совсем недавно именно по указанию Сталина советские спецслужбы разработали собственный план ликвидации фюрера. К этим сверхсекретным операциям предполагалось привлечь самую знаменитую кинозвезду Третьего рейха и любимицу Гитлера, русскую актрису Ольгу Чехову. В Москве связь с одной из диверсионных групп, нацеленных на Гитлера, поддерживалась оперативным работником НКВД Зоей Зарубиной. Руководителем группы являлся брат Чеховой, бывший белый офицер, а позднее – известный советский композитор Лев Книппер.

Вспоминает **Зоя Зарубина**: *«Учитывая, что он родственник Ольги Чеховой, которая была, как мы знаем, в фаворе у Гитлера, был один из вариантов заброса его вместе с женой-разведчицей – якобы он перебежчик».*

Предполагалось, что легенда сработает. Лев Книппер, автор знаменитой песни «Полюшко-поле», брат Ольги Чеховой, поджидающий в одном из городов поближе к фронту доблестные войска вермахта, должен был заинтересовать Берлин и через сестру подобраться к Гитлеру.

Вспоминает **Зоя Зарубина**: *«Они ждут, когда сдадут город. И город три раза переходил из рук в руки, но так его и не сдали. Их привезли обратно. И уже тогда Сталин решил, что, в общем-то, если заниматься террором в отношении Гитлера, то это, может быть, принесет больше пользы им, чем вреда».*

Осенью 1942 года в оккупации на захваченной территории Советского Союза оказалось примерно 55 000 000 человек. Для большинства это стало трагедией. Новый порядок обернулся жестоким насилием. Уклонявшихся от работы в интересах рейха вешали, расстреливали, заключали в концлагерь.

Жительница поселка Сиверский в Ленинградской области Серафима Озаренкова была арестована как неблагонадежная. Пройдя жернова гестапо, она стала инвалидом. Вот ее рассказ: *«Они так воспитаны были, эти СС. Они же очень жестокие были люди. У них никакой жалости не было. Они не понимали, ребенок ли это, старый ли это человек, или молодой. Нет, им приказывали, они должны – кто как мог, у каждого свои обязанности были, тот так и делал».*

Такая плетенка у них была, гестаповец на руку надевает и плетеным они с двух сторон бьют. Стул был, на этом стуле сидишь, руки и ноги прикрепляются. И гестаповец поворачивает какую-то педаль, и ты получаешься вниз головой, а спина у тебя вся открыта».

Для большинства из тех, кто оказался под немцами, мир не делился однозначно на подпольщиков и полицейев. Люди просто стремились выжить. Между тем смерть подстерегала на каждом шагу. За то, что коммунист, цыган или еврей. За то, что пустил кого-то переночевать или не то сказал. За поломку телеги, принадлежащей рейху.

В целях борьбы с партизанским движением проводились карательные и устрашающие акции, массовые расправы и казни. За убитого партизана и немца в заложники брали не менее 50 человек из числа мирных жителей. Партизаном могли назвать каждого – за малейшееслушание, за кривой взгляд.

Вспоминает **Евгений Фёдоров, в годы оккупации житель поселка Сиверский, Ленинградской области**: *«Сюда привозили, потом расстреливали. Здесь лежат целые партизанские семьи. Сюда свозили захваченных патриотов со всего Ленинградского фронта. После пыток тех, которые не соглашались сотрудничать с немцами, вывозили сюда и расстреливали в затылок. Полные окопы трупов были».*

Офицер военной контрразведки Дитер Клавон служил в 1-й казачьей кавалерийской дивизии вермахта, которая была предназначена для борьбы с партизанами. Он рассказывает: *«Одно дело, когда ты видишь врага в лицо. И совсем другое, когда ты даже не знаешь, где он. Это уже не война в классическом понимании. Основной задачей было победить партизан. Что означало, во-первых, освободиться от их преследования, а затем, пожалуй, вытеснить их с той или иной территории. У русских была своя тактика. Они знали, как с нами сражаться. И были к этому готовы».*

В помощь подразделениям СС и СД все чаще выделяются регулярные войска. В специальном приказе Гитлер отмечал, что действия партизанских отрядов на Востоке стали крайне опасными. Партизан запрещено называть партизанами. Предписывалось именовать их бандитами. Только жестокость и насилие, убеждены в столице рейха, могут гарантировать надлежащий порядок и безопасность. В ответ на репрессии партизанское движение к 1943 году

приобрело небывалый размах. Рейды по тылам противника, «рельсовая война» и операции, препятствующие угону населения в Германию, становятся настоящим кошмаром для командования вермахта и оккупационных властей.

Вспоминает **Надежда Троян, в 1943 году – боец партизанского отряда**: *«Жизнь у оккупантов была беспокойной. Настоящих подпольщиков и настоящих партизан поймать было не так просто, поэтому они просто сгоняли куда-то народ, закрывали в помещении, обливали бензином, зажигали. Когда народ разбежался, расстреливали. Так, как это произошло в Хатыни».*

В Хатынь, маленькую деревеньку неподалеку от Минска, карательный батальон СС нагрянул ранним утром в марте 1943-го. Из 149 женщин, детей и стариков уцелел лишь один человек.

Генеральный комиссар федерального округа Беларусь Кубе – один из самых кровавых наместников Берлина на захваченных территориях. Задание Сталина на ликвидацию Кубе получили все действующие в районе Минска партизанские командиры, а также спецгруппы НКВД и ГРУ. Один за другим на официальных мероприятиях с участием гауляйтера звучат взрывы. Но Кубе как заговорен. Смертельной ловушкой станет для него собственная спальня с портретом фюрера над кроватью.

Накануне операции подпольщица Мария Осипова доставит к его дому взрывное устройство и передаст его красивой девушке, горничной из obsługi рейхскомиссара Елене Мазаник.

Рассказывает **Мария Осипова**: *«Дело было поручено мне. В Минске надо было найти подступы к особняку этого Кубе. Я начертила план особняка, все комнаты, где что расположено, где спальня, где кабинет. И остановились вот на таком варианте: в постель Кубе должна быть положена мина с часовым механизмом».*

В ночь на 22 сентября 1943 года Кубе погиб от взрыва мины. Убийство генерального комиссара Белоруссии заставило Берлин ужаснуться. Немецкое информационное бюро сообщило, что Кубе погиб от рук большевистских агентов. Из Москвы ответ на вопрос, кто убил Кубе, прозвучал из уст **Ильи Эренбурга**: *«Его убил народ. И вся наша родина прославляет неизвестного мстителя».*

Траурная церемония из Минска транслировалась по радио. Затем гроб с останками Кубе доставили на самолете в Германию, где на кладбище Ланквиз состоялись пышные похороны. Правда, фюрер на прощании и похоронах не присутствовал. Теперь в столице рейха траурные мероприятия проводились все чаще.

Но есть еще одна правда военной поры. Теракты подпольщиков, как правило, оборачивались жестокими репрессиями оккупационных властей против населения. Тихими героями этой войны становились ее жертвы.

Статистика потерь, которые немцы получили в своем тылу, позволяет представить масштаб и цену противостояния. В боях пал каждый седьмой партизан и подпольщик. Примерно 7 000 000 мирных граждан погибли в результате бомбежек, артобстрелов и преднамеренного истребления.

Партизаны за годы войны уничтожили, ранили или захватили в плен более 1 000 000 неприятельских солдат и офицеров. В 1943–1944 годах действия партизан все в большей степени координировались с планами Генштаба Красной армии.

В 1941 году в России немцы быстро поняли, что столкнулись с совсем другой войной, нежели это было в Европе. Например, русские точно знали, что офицеры носят коричневые ремни, а солдаты – черные. Снайперы Красной армии и партизаны убивали офицеров одного за другим.

Говорит **Петр Брейко, лейтенант Красной армии, командир полка партизанского соединения Сидора Ковпака**: *«Я за войну расстрелял три полнокровных дивизии немцев. Большие 31 000 человек. Потеряв всего четырех человек. Всего».*

Расстреливал полками. Расстреливал за 15 минут. Причем у меня в засаде не участвовало никогда больше одной роты. Причем расстреливал только в походной колонне. Немцы даже не успевали сделать ни одного ответного выстрела. Они просто умирали».

Машина войны набрала такие обороты, что ее, казалось, не остановить. Однако летом 1943-го на Восточном фронте назревали события, которым суждено было переменить ход войны.

Линия фронта протянулась от Баренцева до Азовского моря, в районе Курска огромным выступом протяженностью 550 километров угрожающе вдавилась в расположение немецких войск. Это и есть та самая Курская дуга, где лоб в лоб должны были столкнуться главные наступательные силы вермахта и Красной армии. Почти 2 000 000 солдат, тысячи орудий, самолетов и танков изготовились на направлении главного удара в напряженном ожидании схватки.

Немецкий танк «Пантера»

Генералу армии Ватутину, как уже бывало в 1941 и 1942 годах, предстояло сразиться с фельдмаршалом Манштейном. Танкам «Т-34» немцы противопоставили опыт, новейшие «Тигры» и «Пантеры» и противотанковые орудия.

С танками «Т-34» гитлеровцы уже были знакомы. С заранее подготовленных позиций им удавалось отражать атаки русских танкистов. У «Т-34» был один недостаток: когда немцы выбивали командирский танк, все остальные оставались без связи. Кроме того, чтобы остановить танки, немцы использовали 88-миллиметровые зенитные орудия, которые легко пробивали броню «тридцатьчетверок».

А вот наша 76-миллиметровая пушка, стоявшая тогда на танках, не пробивала броню немцев. Поэтому танкистам было необходимо на максимальной передаче ворваться в боевые порядки врага и стрелять по бортам.

Экипажи, первыми шедшие в атаку, по сути, становились смертниками. К исходу второго дня боев 2-й танковый корпус СС получил приказ захватить Прохоровку и развивать наступление на Курск.

«Т-34» – гордость советского танкостроения

12 июля на Прохоровском поле разгорелась настоящая танковая сеча. До позднего вечера слышался несмолкаемый гул моторов и лязг гусениц. То и дело танковые башни взлетали в воздух от прямых попаданий, их отбрасывало буквально на десятки метров. Из-за дыма и гари уже невозможно было отличить своих от чужих. Горели сотни танков и самоходных орудий. Прохоровское поле превратилось в гигантское кладбище бронетехники.

17 июля немцы начали отступление. Почему? Дело в том, что мы сумели за пять дней из 500 подбитых танков вернуть в строй 250 машин. А немцы из потерянных 400 – ни одного. Для ремонта немецкие танки грузили на платформы и отправляли в Германию, на заводы.

Вспоминает **Герд Шнайдер**: *«Когда мой отец, генерал Шнайдер, был еще в Курске, он получил приказ Гитлера удерживать город до последнего. Однако ему было ясно: если 4-я танковая дивизия останется в Курске, она погибнет. Тогда он приказал своим войскам покинуть город, а сам со штабом остался, чтобы иметь возможность докладывать, что он все еще в Курске. Он оставил город в последний момент».*

50 дней сражений на Курской дуге окончательно изменили ход войны. На Восточном фронте германская армия теперь будет только отступать. Однако радость победы одних и горечь поражения других немилосердно уравниваются по обе стороны фронта сотнями тысяч похоронок и эшелонами раненых в невиданных доселе количествах. Казалось, что уже нет слез оплакать погибших и сил спасти пострадавших. Но это только казалось.

В эту войну в отличие от прошлых одним из основных резервов пополнения действующих армий стали вылеченные раненые. Военные медики под огнем, рискуя жизнью, выносили их с поля боя, оперировали под артобстрелами и бомбежками.

Лейтенант Карл Клауберг был ранен трижды. В 1942-м из-под Сталинграда его эвакуировали в тыловую госпиталь в Германии: *«После операции я очнулся в санитарном поезде. Стонал от боли. Вдруг кто-то сказал: «Замолчите. Вы офицер и должны стойко переносить боль». Я ответил: «Откуда вам знать, что такое боль?» Все вокруг вдруг зашикали на меня: «Замолчи, ведь это генерал Зауэрбрух». Генерал оказался самым знаменитым немецким хирургом».*

Вспоминает **Мария Гусева, старший сержант медицинской службы в медэскадроне кавалерийской дивизии**: *«Раненый поступает. Когда его с машины снимаешь, жгут*

наложен прямо поверх шинели. А что у него там делается под этим рукавом? Не то сквозное ранение, не то там болтается кость. Несешь его, а у него кровь струйкой капает. И вот эта кровь, пресыщение кровью, просто одурманивало. Не знаешь, куда деваться от нее. Прямо голова идет кругом».

Военно-санитарные поезда под бомбежками увозили массы раненых подальше от фронта.

Челябинск, как и многие другие города, в дни войны превратился в город милосердия. В здании школы размещался эвакуогоспиталь № 1722. К началу войны госпитали Красной армии были рассчитаны на 35 500 мест. По плану мобилизации медицина в тылу должна была готовиться к десятикратному увеличению числа раненых. Однако реальный масштаб эвакуации пострадавших превзошел все расчеты. Только в тыловых госпиталях количество коек пришлось довести почти до миллиона. Здесь и на фронте спасением раненых и восстановлением их здоровья были заняты 700 000 медиков.

Рассказывает **Наталья Тюрина, хирург челябинского эвакуогоспиталя № 1722:** *«Чаще всего из госпиталя раненых выписывали не по одному. Поправляется раненый, собирается группа. И тогда мы были очень горды собой. Было такое чувство удовлетворения, что вот, мы смогли их спасти, и жалко было откровенно, что они идут опять на фронт».*

Бывшие пациенты ехали на передовую, снова шли в бой и надеялись, что два раза не умирать. В военной статистике их сухо именовали санитарными потерями. За всю войну таких было примерно 13 000 000. Более 10 000 000 из них медикам удалось вернуть в строй. Они выиграют войну. Но до этого еще надо дожить.

Еще накануне сражения под Курском Гитлер приказал строить мост через Керченский пролив. Он не оставлял надежды прорваться на Ближний и Средний Восток через Кавказ. Кавказский фактор стал доминировать в стратегии фюрера после поражения под Москвой и провала плана молниеносной войны.

Немецкие солдаты в горах Кавказа

Наступление на Кавказе началось в июле 1942-го. Знаменитые альпийские стрелки, истинные хозяева гор, позируют перед кинокамерами на склонах Кавказа, в двух шагах от смерти. На горных тропах развернулась жесточайшая схватка альпинистов двух армий. Преодолев перевалы, дивизия «Эдельвейс» должна была выйти в район Тбилиси, Кутаиси и Сухуми. Главная задача – во что бы то ни стало овладеть советскими нефтяными промыслами. Немецкие войска заняли Ставрополь, Армавир, Краснодар, Майкоп, Моздок. Гитлеру даже преподнесли кондитерское чудо – карту Кавказа из крема и шоколада. Цукат со свастикой должен был знаменовать скорую победу.

Однако триумф не состоялся. Овладеть перевалами Главного Кавказского хребта и прорваться в Закавказье не удалось. В 1943-м советские войска нанесли крупное поражение группе армий «А» и освободили оккупированные ранее территории Северного Кавказа.

У Сталина имеется свой план относительно той части Кавказа, которая чуть было не досталась Гитлеру. НКВД докладывает о нарастании здесь антисоветского сопротивления, разжигаемого германской разведкой. Решением проблемы была избрана депортация – репрессии против отдельных национальных групп. На Северный Кавказ устремились составы с бойцами НКВД.

Халиту Баутдинову было 15, и он хорошо помнит те события: *«Накануне 23 февраля, 22-го числа, нас предупредили, чтобы ни одна душа из своих комнат не вышла на улицу. Говорили, что будут маневры. Ну, мы поверили. Маневры так маневры. Что нам это? Куда выйти, чего выйти. Мы по своим, извините за выражение, нуждам боялись выйти. Вдруг чего-нибудь. А вечером уже были солдаты в боевой готовности, готовности номер один».*

Первыми по решению ГКО в декабре 1943 года депортации подверглись карачаевцы. А в феврале 1944-го – балкарцы, ингуши, чеченцы.

Вспоминает спецпереселенец **Гирги Бакаев** – в 1944 году ему было 14: *«23 февраля, я помню прекрасно, утром еще, часика в четыре примерно, начали стучать в общую дверь. Я встал, вышел и вижу, что там один офицер и два солдата, уже с автоматами. Они говорят: «Давай, вставай, одевайся. Сейчас надо сходить на митинг. Там праздничный митинг, сегодня праздник, 23-е число, надо участвовать там».*

Так начиналась операция по депортации чеченцев и ингушей под кодовым названием «Чечевица». В ней участвуют свыше 150 000 сотрудников, а также солдат и офицеров войск НКВД. Всех местных жителей, включая женщин, стариков и детей, с небольшим скарбом, на грузовиках и пешком, под конвоем гнали на станции, грузили в эшелоны и отправляли в Казахстан и Киргизию в ссылку. Дорога была тяжелой – люди массово умирали в пути.

Рассказывает **Гирги Бакаев**: *«Всю дорогу мы оставляли трупы по обочине железной дороги. Вот так мы ехали. На двух-трех станциях нам дали по две-три буханки хлеба. Люди голодали, болели».*

В общей сложности в изгнании оказались около 500 000 чеченцев и ингушей. За образцовое выполнение задания руководителям НКВД вручены боевые ордена.

Мата Радиев воевал под Москвой и Сталинградом. С 1944 года – спецпереселенец. Вот что он рассказывает: *«В Ростове на вокзале я увидел очень много людей с чемоданами. И я спросил одну женщину, куда все едут? Она ответила, что сейчас все едут на Кавказ. Там очень много пустующих домов.*

Я ехал в Грозный. Когда пересекали границу, я увидел, как военные из Чечни угоняли огромные стада коров и овец».

Через две недели после начала операции «Чечевица» Чечено-Ингушская республика упраздняется. Только через 20 лет люди смогут вернуться домой.

А война между тем катилась на запад. В марте 1944-го передовые части соединений маршала Конева вышли на государственную границу СССР, долгожданную и трижды желанную, как писала тогда газета «Правда», 33 месяца назад погранную врагом.

Упорная схватка развернулась на Балтийском побережье. 15 октября советские войска, ведя жестокие уличные бои, вошли в столицу Латвии. Хроника запечатлела рижан, приветствующих Красную армию. В эти минуты люди вряд ли глубоко задумывались о том, какой окажется завтра вернувшаяся советская власть. Они просто надеялись, что мир будет лучше войны.

Между тем еще несколько дней назад спешно отступавшие немцы пугали жителей Риги приходом большевиков и грядущими ужасами. Мирному населению предписывалось отправляться в Германию. В городе устраивались облавы.

Вспоминает **Борис Инфантьев, в 1944 году студент Рижского университета:** *«В подворотне стояли два немца с собакой и всех, кто из дома выходил, сразу хватили и тащили на пароход. А мы с отцом сидели и смотрели, как немцы нас поджидают. Как только мы выйдем, сразу нас схватят и отведут на этот самый пароход и увезут в Германию».*

Рассказывает **Лотер Фольбрехт, в 1944 году житель Берлина:** *«Бомбежки Берлина участились. Мне тогда было 13 лет, и я состоял в «Гитлерюгенде». На политзанятиях мы обсуждали положение на фронте и в войсках. Мы также помогали пострадавшим от налетов. Женщин и детей постепенно эвакуировали из Берлина из-за воздушных налетов. Город бомбили каждый день. Я помню, дошло до того, что в нашем районе почти не осталось молодежи».*

В 1944-м немецкая столица жила тревожным ожиданием. Уже нет эйфории. Именно в этот год германская промышленность достигает пика производительности. Ни один немец, заявил Гитлер, не будет жить на территории, занятой противником. В Берлине учащаются аресты неблагонадежных. Объявлена тотальная мобилизация. Несмотря на бомбежки, которые превратили в руины почти половину города, берлинцам как-то удается переносить такой поворот фортуны.

Теперь берлинская повседневность – улицы, изрытые воронками, остовы сгоревших домов, очереди. Перебои с транспортом, все время приходится спешить, чтобы проскочить между налетами. Части Красной армии – в 500 километрах от столицы Германии.

Глава 4

Недетские игры

Летом 1943 года под Курском решалась судьба Второй мировой войны.

К июлю советское и немецкое командования завезли на относительно небольшой участок фронта сотни эшелонов боеприпасов и горючего. С каждой стороны изготовились к бою около 2 000 000 человек, тысячи танков, самолетов, десятки тысяч орудий. Прифронтовая земля покрылась сотнями гектаров минных полей. Утром 5 июля 1943 года мощная артиллерийская подготовка возвестила о начале невиданной по кровопролитию битвы.

За две недели боев противники обрушили друг на друга миллионы снарядов, бомб и мин. Земля смешалась с железом.

Красная армия выстояла и погнала нацистов в их логово. Это был перелом в войне. На освобожденных территориях восстанавливалась мирная жизнь.

В это время 8–10-летних мальчишек-сирот стали набирать в суворовские училища. Тех, кому больше 16, мобилизовали в армию – потому что победа под Курском досталась дорогой ценой. А мальчишкам от 14 до 15 лет выпало заботиться о своих семьях. Но они бредили фронтом и не давали прохода командирам воинских частей. Вооружившись до зубов трофейными пулеметами и винтовками, просились на войну. У этих пацанов за плечами были почти полтора года нацистской оккупации. Они не понаслышке знали о зверствах гитлеровцев и теперь горели желанием бить фашистов.

Рассказывает Алексей Мазуров – участник работ по разминированию территории Курской области в 1944–1945 годах:

«На фронт я начал проситься, как только пришли наши солдаты. Когда фронт шел, очень много обозов проходило мимо. Я им говорю: я и лошадей управляю, возьмите меня. Мне сказали – нет. Вас еще рано брать».

Алексею Мазурову было 13 лет, когда он впервые увидел немецких солдат. Гитлеровцы заняли его родное село. Почти год Алексей периодически прятался в скирдах сена, погребах или на чердаках, чтобы не попадаться на глаза немцам, угонявшим жителей на работы в Германию.

Красная армия уходила все дальше на запад. А на местах недавних боев оставалась земля, наспигованная смертоносным металлом. Следом за фронтом шли трофейные и саперные команды. Они хоронили погибших, обезвреживали на скорую руку оставшиеся мины, бомбы и снаряды. Но собственных сил им не хватало. Тогда военные призвали на подмогу местных жителей.

Из постановления Военного Совета Воронежского фронта о формировании вспомогательных трофейных рот: *«Роты формировать из мужчин и женщин в возрасте от 16 лет. Допустить зачисление в роты подростков 14–15 лет, изъявивших добровольное желание... Обратить особое внимание на обеспечение их саперами-подрывниками – лицами, знакомыми с вооружением, боеприпасами, автомашинами».*

Могли ли эти мальчишки представить, что после освобождения им достанется опасная работа саперов!

Небольшой поселок Поныри, расположенный севернее Курска на железнодорожной ветке Москва – Курск, полтора года находился под немецкой оккупацией. А летом 1943-го оказался в самом пекле сражения.

Здесь разверзся самый настоящий ад.

Когда в Поныри пришли нацисты, Михаилу Горяйнову было 13 лет. Увидев на стене фотографии Мишиных дядей в форме красных командиров, немцы избили бабушку и мать

мальчика. А Михаилу не раз грозили расправой за мнимую связь с несуществующим подпольем.

В августе 1943-го Миша Горяйнов с двоюродным братом Сашкой отправились в Поньри узнать, цел ли их дом (перед Курским сражением всех жителей Поньрей в приказном порядке выселили в тыл на 10–15 километров). По дороге голодные мальчики встретили лейтенанта, который неожиданно предложил им немного поработать. Не задаром.

Вспоминает **Михаил Горяйнов – участник работ по разминированию территории Курской области в 1944–1945 годах**: *«С какого ты года? Я говорю: с 28-го. А ты с какого? Брат мой двоюродный говорит: с 29-го. Работа работой, а мы же голодные. Мы полгода хлеба не видели. Ни картошки, ничего. Кто-то даст, мать ходит, подбирается. А тут обещают: кормить будем вдоволь вместе с солдатами. Ну тогда мы согласились».*

Лейтенант, предложивший братьям поработать, оказался командиром трофейной команды. А возрастом ребят интересовался не из праздного любопытства – хотел убедиться, что мальчишкам уже есть 14 лет.

Так ребята оказались в команде, которая собирала оружие, хоронила погибших. Мальчишкам, конечно, уже приходилось видеть мертвых, но после недавних боев картина была ужасная. Как выдержали, **Михаил Горяйнов** удивляется до сих пор: *«Запах на 50 метров, а если ветер еще навстречу... Слышен был запах. И вот к такому трупу надо подходить мне и искать все это. В окопе лежит – землей присыпал, царствие небесное. Окопа нет – рядом окоп, метра два-три. У нас багор был пожарный. Багром берешь за обмотку и туда. Похоронили. Если нет этого ничего – воронка большая. Воронку и сделали культурно. Туда положили, сколько уместится».*

Чем дальше, тем больше этой команде приходилось заниматься разминированием. Вокруг было чудовищное количество неразорвавшихся снарядов и мин. Проверяли дорогу Поньри – Малоархангельск и 50-метровую полосу по обе ее стороны. В команде были профессионалы-саперы, но обезвреживанием пришлось заняться и мальчишкам: работы было по горло. Как обращаться со смертоносным железом, их никто особо не учил. Так, объяснили в двух словах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.